

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

Х

М

В

И

А

И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ъ М А Н А Х

Н А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 36. ОЛЬГА ШАУЛЬСКАЯ

ПАТРИК

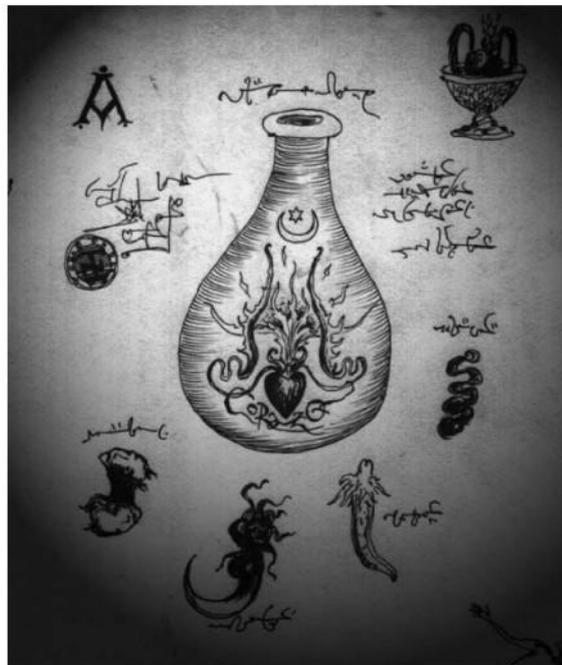
ПЕППИ

ПЕРЕКРЁСТОК

ПОНКА

ПРОСТ

ПРЫГУН

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 36.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2014;

а также авторы журнала:

Ольга Шаульская
Патрик
Пеппи
Перекрёсток
Понка
Прост
Прыгун

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Гора Аамская

Происшествие в Олаше

Шёл 4821 год второго правления. Окна припортового трактира выходили прямоком на портовую площадь, всегда шумную, полную суеты и неразберихи. Галдѣж стоял такой, что уши закладывало: постоянно зазывающие народ купцы, торги капитанов с вновь нанимаемой командой, жаркие споры хозяек трактиров, о том, чьё пиво лучше. Но сегодня весь этот нормальный рабочий шум площади заглушали вопли капитана из вольного города Азара, прибывшего лишь вчера ночью, но успевшего влипнуть в самую гадкую передрагу, какую можно найти в вольном городе Олаш — таможня.

— Что за бред вы несёте, какая контрабанда? Я контрабанду от начала карьеры не возил! Куда? Куда вы меня тащите?

— Как куда? На таможню, там мы вас выслушаем, запротоколируем, зачитаем ваши права...

— И отпустите? — перебил его капитан.

— Ну куда же вы так торопитесь! Нет, потом мы опишем ваше имущество и...

Дальше можно было и не слушать, Мариц, начальник дежурившей сегодня осмотровой группы, обожал запугивать быстрых на решение проблем азарских капитанов заполнением всяких бумаг и многомесячными судебными тяжбами. Интересно, а за что на самом деле его задержали? Обычно за контрабанду в Олаше карали строго — смерть или продажа в рабство на галеры, в самых редких случаях капитан мог и откупиться, но это было подобно разорению.

Маликит закрыл окно своей комнаты, расположенной на втором этаже прямо над кухней, там уже повар испёк свежий хлеб, он окончательно понял, что проснулся, и пришло время завтракать. Маликит, молодой человек двадцати трёх лет, работавший продавцом в лавке при оружейной мастерской, медленно спускался вниз по лестнице, обдумывая планы на сегодняшний день, когда из общей залы донеслись грубые голоса и визгливый встревоженный голос служанки «Приливной волны», а ведь день не успел ещё толком начаться. Он прошёл лишь пару ступенек, когда послышался лязг обнажаемого оружия, общего зала он ещё не видел, но чувства тревоги почему-то не было. Странно. Послышался стук опрокидываемых стульев, визг Селесты и хохот странных посетителей. Маликит затянул пояс потуже, вооружился метлой, стоявшей в углу на лестнице, и ринулся вниз. В зале находилось трое: запуганная Селеста за барной стойкой и двое в длинных, выдавших и лучшие времена серо-зелёных плащах, капюшоны были надвинуты на лица. Что-то в них казалось знакомым. Один из них сидел на табурете у третьего справа стола, полутораручный меч, выкованный из имперской стали, был обращён к полу, другой же стоял у стойки, меч его был в ножнах. Никто не обратил на его появление ни малейшего внимания, как будто не влетал в зал сосредоточенный взлохмаченный парень с метлой в руках.

«Так, дезертиры. Дезертиры — это плохо, очень плохо. Им нечего терять. Стоп. Почему только один обнажённый меч, по звуку их было больше», — эта мысль заставила его резко развернуться на каблуках, но в глаза напозла тьма, ноги подкосились, и пол стал очень быстро приближаться, и Маликиту ничего не осталось кроме как провалиться в беспомощность. «Н-да. Сходил, погулял», — пробежала последняя мысль угасающего разума.

— Ты что, с ума сошёл, что бы он тебе сделал?

— Извини, привычка.

— Привычка у него, понимаете ли. Да, хорошо ты его приложил.

Голоса доносились как бы издали и звучали тяжело и глухо. Маликит попытался открыть глаза, но с первого раза как-то не получилось, со второй попытки всё-таки вышло. В глазах двоилось, пелена мешала навести резкость. Откуда-то на его лице появилась вода, пелена исчезла. Полегчало. В голове по-прежнему гудело, но соображать это не мешало. Над ним нависали те самые ребята, с которых так мило начался этот великолепный солнечный осенний день. Они откинули кашпоны. Стоящий слева был смуглый темноволосый и коренастый мужчина с холодными чертами лица, в его глазах было чувство вины. «Так, значит, это ты стоял за спиной. Второй раз это не повторится», — заключил Маликит. Двоих других он узнал сразу, хотя время и изменило их черты. Это были два брата-близнеца, два высоких, коротко стриженных блондина с благородными чертами лица. Дарэк и Далэт. Маликит практически вырос вместе с ними, хотя был младше их на шесть лет. Когда он был мальчишкой, они защищали его от старших ребят, но только не от сверстников, с этим приходилось справляться самому. И это было правильно. Вот им исполнилось пятнадцать. Их отец был капитаном охраны императорского представительства в Олаше, и, значит, они являлись гражданами империи. Их забрали в армию на пятнадцать лет, да они особо и не сопротивлялись, братьев не радовала перспектива быть содержателями трактира. Местом службы была граница с пустыней Рамата. В трёх километрах от границы находилась долина Арамата, восхитительное место с уникальной природой и плодородными почвами, она закрыта от пустынных ветров Варатскими горами с запада и Фаяжскими топиями с востока. Но всё-таки это не такое уж спокойное место: постоянные набеги пустынных кочевников, белые скорпионы (в два раза меньше обычных, но их яд не даёт никому шансов на выживание), мантикоры и безжалостные норатары. Путешественники в таверне говорили, что это Духи песков, ненавидящие всё живое, но это вряд ли, ведь они же как-то сосуществуют с кочевниками. За два года до окончания службы из императорского представительства передали повестку, что они погибли в одной из стычек с кочевниками у Плачущей скалы. Горе их матери, госпожи Шалы, невозможно передать, она потеряла любимых сыновей, Унайя осталась без братьев, а я без друзей... Итак, они вернулись. Дезертиры.

— Что вам угодно, господа? — с холодной любезностью спросил Маликит.

— Ты чего? Не похоже, что ты не узнал нас. Ах да, прости за фингал, Эд не хотел, просто военные привычки просто так не исчезают, — Дарэк оправдывался перед ним. Хороший знак. Он всегда был более открытым и добродушным, чем его брат.

— Что случилось? — Далэт сразу заподозрил неладное.

— Вы дезертиры, вот что случилось.

— Что??? — Эд и Дарэк не поверили своим ушам.

— Ты бредишь, — Далэт заявил это таким тоном, что мороз пробежал по коже, а лицо превратилось в каменную маску, такую, что изваяния инквизиторов обзавидовались бы.

— Сначала мы получили на вас двоих похоронки, а теперь, через два года, вы явились, а это может означать только одно...

— Ты бредишь, — заключил Далэт, но взгляд потеплел, а на губах спряталась ухмылка.

— Не смешно.

— Ты всегда был смышлённым парнем, но удар Эда пагубно сказался на твоих умственных способностях. Ты же прекрасно знаешь, что в город ведут только два пути: главные ворота и гавань, но сегодня понедельник и гавань закрыта. Чтобы пройти через главные ворота, нужно пройти пропускной пункт, где досматривают не только торговые караваны, но и верховых, и пешеходов. Как ты заметил, при нас мечи из имперской стали, а она является контрабандой, если у тебя нет специального разрешения на их ношение, подписанного и заверенного в главном военном штабе. Можешь мне поверить, такие разрешения у нас имеются. Ну как, убедительно? — Далэт уже улыбался во всю ширину своей белоснежной улыбки.

Сказать, что Малик был озадачен — это ничего не сказать. По его рассказу всё уж очень хорошо складывается, но такого не бывает, не бывает. Надо найти зацепку... А что, если я всё придумываю, накручиваю себя, что, если всё на самом деле так, как он говорит. Надо будет их проверить по-настоящему. Но это я сделаю потом, а сейчас надо доигрывать свою роль до конца. Как не хочется тащиться в имперскую канцелярию. Голова раскалывается, какой бы гадости выпить от головной боли?

— Не нужно так натужено изображать замешательство, ты и так замечательно знаешь, что делать и куда идти, — он протянул Малику руку и помог подняться.

В это время Дарэк начал подбирать опрокинутые стулья, Эд пошёл к стойке. Интересно, что ему там надо? Вино ещё в погребе, его достанут только к обеду. Ах да, Селеста! А я-то думал, что она успела удрать куда-нибудь, ан нет, всё это время она просидела под стойкой, в обнимку со скалкой. Эд попытался помочь ей встать, но, судя по тому, как он резво запрыгал на одной ноге, можно предположить, что Эд получил своё. Наш новый приятель вышел, а точнее выпрыгал из-за стойки и уселся на высокий табурет с простодушным ангельским личиком, как будто и не доводил служанку приличного трактира до истерики. Он явно ожидал чего-то подобного. Селеста наконец-то показалась из-за стойки, она была такой довольной, что можно было подумать, что ей выплатили премию в размере

годовой заработной платы. Далэт опять уселся на облюбованный им табурет и начал весело изображать страшного посетителя. Прямо идиллия какая-то.

— Если ты поторопишься, то успеешь до того, как проявится синяк, — басистый голос Дарэта вывел его из состояния равновесия.

«Зря он мне напомнил про синяк, опять голова разболелась. Ну что бы я ему сделал? Ну, получил бы он метлой по голове, ему же ведь ничего бы не было, он к этому делу привычный. А у меня теперь синяк вылезет, слухи всякие пойдут, так ведь не отбрешешься...» — с этими мыслями Малик вышел из трактира.

Иногда кажется, что у тёмных коридоров нет конца. Они уводят в бесконечность, не давая путникам возможности вернуться, но эти двое шли уверенно, не собираясь отдаваться власти коридоров. Сумрак неохотно расступался перед рыжим пламенем факела. Впереди замаячила развилка. Двое повернули вправо.

— Вы уверены, что ему можно будет доверить это задание? Он, конечно, хороший малый, но не лучше ли послать Ветер?

— Я думал об этом, но пришёл к выводу, что её время прошло, она стала оставлять слишком много следов. В один прекрасный день она попадётся. Повторюсь, её время прошло, она должна занять своё место в Магистрате.

— Но у парня совсем нет опыта работы в таких делах, если он попадётся, нас всех заметут, как пить дать. По крайней мере, это дело могу выполнить и я.

— Нет. Он талантливый мальчик. Помнишь, как он барона Рилита вокруг пальца обвёл? Красиво и элегантно. Но чтобы стать профи, нужно усложнять задания. Так что это задание его, пусть учится. Приговор обжалованию не подлежит.

— Да, Магистр.

— Какие вопросы ещё остались.

— Да так, по мелочи.

— Вот и отлично, а то у меня есть ещё дела.

Порой сны так легки и невесомы, что вылетают из памяти с первой же сознательной мыслью, посетившей наш разум. Другие, наоборот, тяжёлым камнем ложатся в наше сердце, которое ещё долгое время не может успокоиться. Но сны — это наша неотъемлемая часть, из них можно узнать наши тайные страхи и желания. Они показывают их нам. А мы бежим к толкователям, хотим знать тайный смысл. Сны предназначены спящему, и лишь он сможет их понять и сделать выводы. Я не люблю подглядывать, но это исключительный случай, я должен знать... Забавно. Но это уже не моё дело. Я рад, что ребята вернулись. С Эдом что-то не так, его сон — словно клубок шипящих змей, готовых укусить любого, кто их потревожит. Занятно, но копать дальше не буду, у него своя жизнь, у меня своя. Поздно уже. Пора закрывать путь и замечать следы, а то мало ли что...

День выдался прохладным, но небывало солнечным. Свет, проникавший сквозь окно, с озорством мальчугана переливался и искрился в искусной резьбе лат, перебегая с одного узора на другой, показывая непревзойдённое мастерство того, кто их изготовил. Эти латы были не только произведением искусства, но смогут стать и надёжной защитой своему новому хозяину. Мастер Илий никогда не делает бесполезных вещей, которые сначала лишь блестят и радуют глаз, а потом ржавеют и становятся грудой мусора. Несмотря на замечательный день, настроение у Малика было нерадостным. Когда в магазине отсутствовали покупатели, он заполнялся зеваками и заезжими рыцарями, которые не могли позволить себе сделать здесь покупку, но они были прекрасными распространителями новостей, слухов и всяких баек. Этот день, видать, был исключением, так как с самого утра в магазине не было ни единого посетителя. Возмутительно. Куда все подевались? Сердце Малика чуть не выпрыгнуло, когда он услышал хлопанье входной двери. Он буквально вылетел из-за конторки навстречу посетителю, на ходу надевая любезную улыбку, которую обязан иметь любой профессионал, работающий в данной отрасли. Но она медленно сползла с его лица, когда он увидел вошедшего. Это был Далэт.

— Ну, как дела, как торговля?

— Разве не видно, что никак. Я тут с ума схожу от безделья, хочется волком выть. Я же не могу оставить магазин и кинуться выяснять, куда же это люди подевались? Кстати, не расскажешь, куда все запропалились? — с видом мученика спросил Малик.

— Почему бы и нет. Ну, ты знаешь, что вчера состоялся приём в честь назначения нового консула, а сегодня утром выяснилось, что во время этой чудной гулянки императорское представительство обокрали. Что украли, никому не известно, но, судя по двойному кольцу оцепления и посеревшему лицу капитана охраны представительства, можно предположить, что вынесли что-то очень ценное. А народ теперь толпится на площади и выясняет, что украли, как и почему; уже даже слух пошёл, что консул привёз с собой какой-то могущественный артефакт, который превращает медь в золото, воду в вино, камни в алмазы и так далее.

— Ха! Не очень удачное начало службы. Это событие будут перемывать ещё год, а то и два. Что ж, можно закрывать лавку, всё равно покупателей сегодня не будет. Кстати, а зачем ты, собственно, заходил, я не поверю, если скажешь, что соскучился.

— У-у, какие мы проницательные, прямо страшно становится. По правде говоря, я шёл в представительство, но там сейчас бардак, так что вот по пути домой решил к тебе заглянуть, — в это время Малик уже успел закрыть ставни и направился к выходу. Далэт последовал за ним.

— Замечательно, а сейчас давай заглянем к торговцу металлами, мне надо передать ему заказ, — сказал Маликит и плавно повернул ключ в замке.

— Звали, Магистр?

— Да, зайди, пожалуйста.

— Что-то случилось, Магистр?

— То же самое я хотел спросить у тебя, — сказал Магистр, продолжая копаться в груде бумаг, заполнявших весь стол и даже часть книжных полок.

— О чём желает знать Магистр?

Магистр оторвался от бумаг и внимательно посмотрел на своего посетителя, украдкой ухмыльнулся и, резко вскочив со своего места, начал мерить комнату семимильными шагами. От неожиданности вошедший опустился на стул, предназначенный для гостей.

— О чём желает знать Магистр? — писклявым голосом передразнил Магистр. — Я хочу знать подробности того балагана, который ты устроил в представительстве. Ты прекрасно знал обстоятельства всего дела, зачем тебе понадобился этот выпендрёж, я спрашиваю?

— Это не я, честное слово, — пролепетал Рамс.

— Рассказывай мне сказки, если не ты, то кто?

— Тот, кого вы назначили на это дело — Шептун.

— Он не мог допустить такого идиотизма, — жёстко сказал Магистр.

— Значит, он не мог, а я мог, — разговор начал его раздражать. — Я практически вырос в Гильдии и знаю, когда можно позволить себе набезобразничать, а когда нет. Интересы Гильдии — мои интересы.

Магистр остановился посередине протоптанной им тропинки, подумал, потоптался на месте, как бы решая, что делать дальше, и с довольным видом вернулся в своё кресло.

— Хорошо, а что ты-то там делал? — умиленно спросил Магистр.

— Шептуна страховал, — слишком поспешно ответил Рамс.

— Ох, не умеешь ты мне врать, да и не научишься никогда. Ладно, топай отсюда, о зачистке уже позаботились.

— У Магистра есть ещё вопросы, задания или просьбы ко мне?

Взгляд, которым проводил Магистр Рамса, вполне мог сойти за подзатыльник.

— Что за отвратительная погода? — спросил скорее себя, нежели кого-то ещё Маликит, пытаясь удержать на месте уже полностью промокший плащ под порывами ледяного ветра, который так и хотел оставить его без этой хлюпенькой защиты. — А ещё вчера было тепло и светило солнце. О боги, за что мне такое наказание?

Уже почти стемнело, когда Малик закрыл лавку и собрался поскорее добраться до дома, прежде чем с почерневшего неба обрушится ливень. Этот подлец застал его на полпути от дома. Как несправедливо! Он был такой не один — по улице с криками и руганью бегали люди, ища спасения от непогоды, и спустя очень короткое время улицы опустели. Угрюмый и с окончательно испорченным настроением Малик брёл домой, уже ничего не замечая, когда кто-то схватил его сзади и поволок в тёмный проулок. Малик начал было сопротивляться, но этот кто-то вцепился в него той железной хваткой, при которой сопротивление становилось пыткой. Незвестный

развернул его лицом к себе. Только чудо помогло Малику не рухнуть в обморок. У этого человека половина лица представляла собой кровавое месиво из крови, кожи и мышц, да ещё какой-то слизи, которая так и норвила сползти куда-то вбок и оголить кости черепа.

— Ты должен мне помочь, — проскрежетал он.

После этого заявления мысли Маликита бросились в рассыпную, но всё-таки часть из них на свой страх и риск осталась и попыталась проанализировать сложившуюся ситуацию, и то весьма заторможенно.

— Каким образом? — пропищал Малик, до ужаса удивившись собственному голосу.

— Передай это, — сказал незнакомец и протянул свёрток. — А теперь иди, я их задержу.

Малик хотел уточнить, кому доставить свёрток, но ногам это было не интересно, и они решили убежать куда подальше, пока дают.

Как он добрался до «Приливной волнь», Малик не помнил. У него перед глазами всё ещё стояло это жуткое лицо, а в ушах звучал скрипящий голос: «Передай это...». К реальности его вернуло то, что что-то обжигало горло, а когда он попытался выплюнуть эту гадость, ему безобразным образом помешали. Когда Малик оторвал взгляд от стены и огляделся, то обнаружил себя в своей комнате, сидящим на кровати, а рядом стояли братья. Вид у них был весьма обеспокоенный.

— Так, в глазах, наконец-то, появилось понимание. Ну и где ты был, душа моя? — улыбаясь до ушей, спросил Далэт.

— Домой шёл, — дрогнувшим голосом ответил Малик. В ответ на это заявление Дарэк как-то хмыкнул и начал мерить шагами комнату, а улыбка Далэта испарилась в неизвестном направлении.

— Очень интересно. А можно узнать, ты, часом, не через кладбище домой шёл? — каким-то заговорщицким шёпотом спросил Далэт.

— С чего ты взял?

— Всё очень просто. Мы видели, как ты вошёл в таверну и поднялся в комнату, но решили тебя не трогать, пока ты не приведёшь себя в порядок и не спустишься. За суетой мы о тебе забыли и вспомнили только часа эдак через два. Когда я вошёл к тебе, у меня сложилось впечатление, что передо мной сидит привидение с мучнисто-белой кожей и стеклянными глазами, — на какое-то время он замолчал, и в комнате были слышны лишь гул общей залы и размеренные шаги Дарэка. — Знаешь, я первый раз в жизни не знал, что делать, — Далэт посмотрел куда-то в окно, но он не видел ничего, кроме картин прошлого.

— Когда он пришёл ко мне, он сам был похож на привидение, — продолжил Дарэк.

— А что за дрянь вы в меня вливали?

— Спирт, — хором ответили братья.

— ...?

— Народное средство, проверено на практике, — с видом знатока пояснил Дарэк.

— И сколько вы в меня залили?

— Почти всю бутылку.

— А в стакановом эквиваленте?

— Стакана эдак три, а что?

— Просто после второго обычно я представляю собой печальную картину, а тут на удивление трезв, как стёклышко.

— Рад за тебя, но не кажется ли тебе, что по сюжету ты уже должен рассказать нам о случившемся? — Далэт зажал его в угол.

На лбу Малика выступила испарина, сердце забилось в бешеном ритме. Он начал свой короткий рассказ.

— Магистр, у нас проблемы! — Рамс влетел в кабинет Магистра без стука и без вызова. Возмутительно.

— Что случилось? — серым повседневным голосом спросил Магистр, не оторвавшись от бумаг. К нему в кабинет каждую неделю, а порой несколько дней подряд могут врываются служащие и вопить, что всё пропало, что имперские сыщики их раскрыли и нашли. Надоело.

— Шептун убит, вещи при нём нет, — отрапортовал Рамс.

— Что??? — от этой новости Магистр свалился со стула, а в придачу ещё и чуть не подавился.

— В этом замешаны волшебники.

Магистр скривился так, как если бы его заставили целиком съесть лимон. Он поднял стул, отложил бумаги, уселся за стол, и его лицо чудесным образом стало ничего не выражающим.

— Теперь рассказывай по порядку.

— Да, Магистр. Первая часть плана прошла гладко, придраться не к чему, но во второй части начался бедлам. Когда Шептун забирал вещь из тайника в храме, туда притащился патруль городской стражи, получившая сообщение, что в храме орудуют вандалы (какой умник этот бред придумал?). Стража покрутилась там минут десять и убралась восвояси. Дальше ещё хуже: на городской площади, перед Ратушей, к нему привязались какие-то пьяные проходимцы, которые затеяли драку. С этой проблемой мы тоже справились, направив туда парней покрепче и переведя основное действие драки на них. Стража прибежала минут через десять.

— Ещё быстро, если учесть, какое расстояние от храма до Ратуши. Продолжай.

— Дальше Шептун должен был прийти к месту передачи. Мы потеряли его между жилой частью города и торговым рядом.

— Как это потеряли? Хотя, что вы могли сделать, если здесь замешаны волшебники. Продолжай.

— Мы сначала думали, он не пойдёт на встречу с получателем. Через полчаса было получено сообщение от получателя о срыве сделке и дан адрес.

— Записка при тебе?

— Да.

— Давай сюда, — магистр долго и внимательно изучал её и через какое-то время одобрительно кивнул. — Продолжай.

— Я и Фарид сходили туда и нашли Шептуна. Мы его едва узнали. Он был похож на не совсем застывшее желе, нанизанное на палочку. Вещи при нём не было.

Повисло минутное молчание.

— Что вы с ним сделали?

— Вызвали бригаду. Они сказали, его кремируют. Хорошо, что погода отвратительная.

— Да. Вы нашли следы чьего-нибудь присутствия?

— И да, и нет. Мы нашли болт, выпущенный из арбалета Шептуна, и копоть на одной из стен, а на ней была нацарапана рожица.

Магистр ударил по столу с такой силой, что полка за его спиной опасно закачалась, с неё свалился графинчик с какой-то жидкостью и с музыкальным звоном разбился, покрыв пол множеством осколков. Говорят, в нём хранилась сыворотка правды.

— Я вас уничтожу, Рыжие, богами клянусь.

— Вот такая прогулка вышла.

— Ты прав, замечательной её не назовёшь, — эта история понравилась братьям не больше дохлой мухи в стакане с пивом.

Рассказ действительно вышел коротким и не очень впечатляющим. Всё было так непонятно, что мыслить логически было просто невозможно. Они зашли в тупик. За тот час, который они провели в комнате Малика, в таверне произошли небольшие изменения: шум стих, и его место заняли лиричные звуки лиры и негромкий, но твёрдый и поставленный голос певца. Он исполнял песнь о походах императора Зэрантора, который расширил границы империи до ныне занимаемых территорий. За эти подвиги его считают самым великим императором, хотя и забывают, что он был и хорошим дипломатом, который смог закрепить позиции своего резко увеличившегося государства. Правда, это было очень, очень давно. Пока Малик и Далэт слушали это произведение неизвестного автора, Дарэк продолжал мерить шагами комнату, начинало складываться впечатление, что он протоптал тропинку в полу, видимую лишь для него одного. Дарэк резко остановился, развернулся на пятках и одарил своего брата таким пламенным взглядом, что Малику осталось только порадоваться тому чуду, которое не позволило Далэту сгореть, не сходя с места.

— Ты чего? — только и смог сказать Далэт.

— Мы с тобой два барана, которые забыли о самом главном. — Дарэк посмотрел на Малика. — Где свёрток?

Сердце Малика остановилось. Он вскочил и начал носиться по комнате, заглядывая во все подряд ящики. Когда ящики, карманы и потайные места закончились, всем всё стало ясно. Свёртка нигде не было.

— Ну и куда ты его дел?

— Понятия не имею. После того, как я побежал, моя память отказалась воспринимать что-либо. Знаю только, что в тряпку был завернут продолговатый прямоугольный предмет. Можете меня пытаться, но больше я ничего не знаю и не помню.

— Странно всё это. А так как это странно, то пора вводить в курс дела Эда. Он у нас в роте был специалистом по странностям.

— Ладно, вам виднее. А теперь выметайтесь отсюда, я буду успокаивать свои распатанные нервы.

— Поняли, исчезли, — впервые за время разговора по лицам пробежала лёгкая улыбка.

Дождь прекратился, тучи уползли на восток, и на город опустилась тихая звёздная ночь. Малика терзали тревожные мысли, они буквально рвали его на части. Все его размышления постоянно сводились к этому свёртку. Он перебирал известные ему магические амулеты и талисманы, и каждый раз всё упиралось в преграду его незнания. Он ненавидел отца за то, что он оставил столь скудные записи об азах магии. Зато у него имелась целая библиотека, состоящая из древних фолиантов и сотен пергаментов, в которых он ничего не понимал. Что же это за артефакт такой? Неужели это тот самый предмет, который украли из представительства? Какая в нём заключена сила, и кому он понадобился? Куда он, в конце концов, делся? Одни вопросы и ноль ответов. Бред какой-то. Уже три часа Малик любовался потолком, а тот упорно не хотел пролить свет на эту загадку. Может, он просто ничего не знал? Сон подкрался незаметно и забрал Маликита в своё царство. Снов ему не снилось, истерзанный разум и душа отдыхали.

Хлопок. Треск. Вспышка. Острая боль пронзила тело. Хлопок и снова вспышка. Малику чудилось, что он парит в абсолютном пространстве и что это продлится бесконечно, но всё закончилось так же быстро, как и началось. Грубый холодный и сырой пол врезался в него. Всё покрылось тьмой. Сознание вернулось внезапно, но оно пришло с компанией — с болью.

— Какой молодец, быстро пришёл в себя, — проговорил кто-то сладким мелодичным голосом.

Малику понадобилось какое-то время, чтобы проморгаться и привести зрение в порядок. Лучше бы он этого не делал. Увиденное поразило его настолько, что неожиданно для самого себя он рванулся куда-то в сторону и рухнул на пол вместе со стулом, к которому был привязан. Верёвки врезались в тело, они явно зачарованные. Малик не думал, что всё настолько печально, а зря. Над ним нависал кто-то средний между гоблином и человеком: рожа перекошенная, вместо зубов — торчащие в разные стороны клыки, совсем невысокого роста, но не карлик, размах плеч где-то метр с хвостиком, а то и больше. Такого во сне увидишь — не проснёшься.

— Не рыпайся, а то хуже будет, — пропело Чудовище.

— Что вам нужно? — эта фраза в исполнении Малика уже стала банальной.

— Где вещь?

— Не знаю.

— Врёшь, — Чудовище перестало скалиться, и верёвки затянулись ещё крепче. — Если не скажешь, эта верёвка порежет тебя на куски.

Почему-то Малик был склонен ему верить и поторопился с ответом:

— Если бы я знал, вы бы это уже знали.

— Красиво поёшь, но не складно, — усмехнулся гоблин и упёрся в него взглядом.

Голова Малика мгновенно стала тяжёлой, перед глазами всё поплыло. С каждой секундой ему становилось всё хуже и хуже, но он изо всех сил старался не потерять сознание. Чем больше он сопротивлялся, тем шире гоблин ухмылялся.

Где-то что-то бухнуло, раздались крики, ругань вопли. Зазвенела сталь. Чудовище отвернулся от него и посмотрел куда-то в темноту. Гоблин что-то прорычал. Вспышка. Сумрак. Тьма. Всё, конец.

Маликит проснулся оттого, что дождь с нещадной силой барабанил в окно. Ему не хотелось открывать глаза, было так уютно и тепло лежать под одеялом. Единственное, на что его хватило — это потянуться.

— Зря ты это сделал. Ты доказал, что проснулся и готов приступить к завтраку, — незнакомый голос заставил Малика сесть в постели и уставиться на гостя.

Это был лысый старичок с необычайно живыми глазами, которые цеплялись буквально за всё. Одет он был в просторный зелёный балахон. Сидел старичок в кресле с высокой спинкой, и где они его нашли? Маликит огляделся и обнаружил в комнате ещё и Эда. А он-то что здесь делает?

— Наше присутствие тебя удивило? — нарушил молчание старичок.

— Ещё как удивило, я, по правде говоря, ожидал увидеть гоблина-урода.

— Можешь мне поверить, ты с ним больше не встретишься.

— Кто вы и зачем здесь?

— Ты начинаешь задавать правильные вопросы. Я представляю интересы одной организации, которая занимается разрешением магических конфликтов.

— Вы работаете на Империю?

— Не совсем. Империя создала нашу организацию и, когда пришло время, предоставила свободу действий нам.

— Получается, я оказался между молотом и наковальней.

— Да. Ты — жертва обстоятельств, тебе просто посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте.

— Понимаю. А кто был тот человек, который передал мне пакет?

— Он работал на одну из гильдий воров. Банда волшебников, которая тебя схватила, пресекала дорогу гильдии слишком часто, и та, в свою очередь, обратилась за помощью к нам.

— Почему, они же могли бы попробовать решить всё сами?

— Ты бы стал тягаться с психопатами-волшебниками?

— Нет.

— Вот и они не стали. Ты узнал всё, что хотел?

— Конечно, нет. А как вы меня нашли, и при чём здесь он? — Малик указал пальцем на Эда. Тот даже бровью не повёл.

— Нашли мы тебя просто — по железному бруску.

— По чему?

— Это та вещь, которую тебе передали.

— Но у меня её нет, — возмутился Маликит.

— Ты не прав, маг-самоучка. Ты просто его надёжно спрятал.

— Куда? — Малик уже ничего не понимал.

— Куда? Куда? Подучишься — узнаешь. Эд этим займётся, он раньше работал в нашей организации. Надеюсь, ты ещё вернёшься, — сказал старичок и превратился в сизый дым, который поторопился исчезнуть.

— Ты им рассказал про случившееся со мной?

— Да. Ты был недостающей частью головоломки, которая, заняв своё место, помогла обеспечить успешное проведение операции по поимке банды Рыжих.

— Шикарное у них название.

— Ага. А характерным знаком у них была забавная рожица, которую они оставляли, где придётся.

— Ну, с этим мы разобрались. Ты с самого начала знал, что я — самоучка?

— Нет. Я узнал только вчера, когда старикан сказал. Ты хорошо маскировался, если бы не он, я бы ещё не скоро заметил. И не пили меня взглядом. Учить я тебя буду, никуда не денусь.

— А у меня талант есть?

— Я что, знаю? Поучишься — узнаем. Завтракай и топай на работу, от твоих надоедливых расспросов уже голова болит, — пожаловался Эд и вышел вон, оставив Малика наедине с завтраком и золотым рассветом. Он даже не заметил, как закончился дождь-задира.

Lampuk

* * *

А когда на небосклоне
Разгорается заря —
В жопу раненый романтик
Убегает за моря.

* * *

Алой зарёй
Забрезжил восток,
Алым цветком на клинке.
Застелет туман
Сотни дорог,
Так иди же за мной налегке.

Смотри — как ведьма,
Танцует чума,
Танцует в белом венке.
Призрачен мир,
Повсюду обман,
Так иди же за мной налегке.

Иди налегке,
Как ветер-пастух.
Лети налегке,
Как птица на юг.
Иди, сжимая
Посох в руке,
Так иди же со мной налегке.

Весьма странный день.
Так что же там было:
Ночь, безобразия, утро.
Провожал Татьяну,
Встречал Ирэн.
Ничего, мол — пробьёмся.
Батл вина,
Подлечиться — и на Остров.
— Привет, Валёк,
Пить будешь?
— Буду.
— Мужчина, у вас есть закурить?
— Не, ребята, вы мне нравитесь,
Но мне пора.
— Ну что ж, пойдём в «Икслан»,
Дон Хуан, Мариванна, кальян.
— Знаешь, где есть?
— Пятнадцать тонн.
— Нормальная?
— Охуенная.
— О, опять мужик.
— Давай пошабим.
— Не, ребята, — это судьба,
Вы мне определённо нравитесь,
Вас хоть кто-нибудь
В этом мире понимает?
— Меня, сударь, в этом мире
Понимают две женщины.
— Серьёзно? Поздравляю!
— Счастливо, удачи!
— Ну что, зайдём к Наталье?
Мы не виделись целый год.
— Привет, а ты изменился,
Ты стал какой-то приземлённый,
Но тебе так идёт...
Ночь, проспект,
Саксофонист Аполлон.
— Толик, когда концерт?
— Одиннадцатого.
Джаз,
Саксофон и велосипедный гудок.
Толпа молодёжи
Падает с ног,

Девки ржали до неприличия:
Акселерация,
Или я полный идиот?
Эй, толпа, рассказать анекдот?
— Смотри-ка, афиша:
Оркестр «Голд стар».
А, нет, это рекламный щит.
Пойдём на Остров,
Возьмём у браконьеров судака.
— Послушай, крутая газета!
— Кстати, как там комета?
— А, комета...
Уже пролетела...

Вишнёвое варенье

А вишнёвое варенье
Поднимает настроенье,
Поднимает настроенье,
Если рядом я и ты.

За вишнёвым за вареньем
Я уехал на край света,
Чтоб вишнёвое варенье
С края света привезти.

Ты пропала днём весенним,
Потому что не успели
К воскресенью в день рожденья
Вишни в садике поспеть.

Ты сказала на прощанье:
— Не сдержал ты обещанья —
В воскресенье, к дню рожденья
Мне варенья привезти.

Ты уехал за вареньем
В воскресенье, днём весенним,
А вернулся в понедельник,
Поздно ночью, через год.

Не грущу я и не плачу,
Я смотрю на жизнь иначе,
Но вишнёвое варенье
Не люблю я до сих пор.

А вишнёвое варенье
Поднимает настроенье,
Если только не застрянет
Кость вишнёвая в груди.

* * *

Встретились два облачка
Раннею весной
И сделали над городом
Дождь проливной.

А мальчик с девочкой
Стояли под дождём,
Мальчик обнял девочку
И сказал — побежали за мной!

В мир без машин,
В мир сердец живых.
Там лошадь белая бежит.
Девочка, надо спешить.

Мир без оружия,
Мир без денег и власти.
Мир, о котором
Мечтала ты в детстве,
Мир с правом на счастье!

* * *

Живёт тело среди многих тел,
Затаилась душа среди многих дел,
Рвётся в клочья, что не у дел
Появилась она в мире этом.

И уже не страшно сойти с ума,
Звёздный странник — птица-стрела,
Улетает вдаль, чтобы пропасть
На краю вселенной.

Где ты, романтик, где твоя звезда?
Потерянный странник, ты ушёл навсегда.
Кто виноват, что ты стал один
В мире этом?

* * *

Когда ты ушёл в Астрал,
Ты забыл выключить газ,
Но успел сжечь все мосты.
Вечер был тих.
Никто не заметил, как ты изменился.
Когда опали цветы,
На плите кипел чай,
Но уже не хотелось есть,
Ведь ты думал искать её там,
А она оказалась здесь.
С тех пор ты боишься ночей:
Тебе кажется, что рвётся нить.
Ты боишься признаться:
Признание — клятва,
А ты не сможешь ей изменить,
И ты не знаешь, что выбрать:
Нежность или экстаз,
Хотя ответ прост:
Ты заслужил большего,
Большого, но не сейчас.

Кони в конопле

Уведи меня, дорожка,
Вдаль по утренней заре,
Уведи туда, где кони,
Кони пляшут в конопле.

Где гуляют хороводы
В белых рощах до зари,
Со студёною рососою
Собирают лепестки.

Там дымится, закипая,
Молоко в чёрном котле,
Льётся песня удалая,
Кони пляшут в конопле.

Разудалая, хмельная,
Ты, молочная роса,
И девица молодая
Пляшет в зареве костра.

Ты нашла, кого искала
В этой сказочной стране,
Тихо песню напевала:
Кони пляшут в конопле.

Куда ушёл Марсо

Я не мог не смеяться,
не плакать не мог,
не мог не видеть подвоха
не умея наклеивать маски,
я средь вас сошёл за больного.

Адью, господа, адью.
Я уйду далеко,
я иду искать тот город,
туда, куда уехал Чарли,
туда, куда ушёл Марсо.

Чёрт возьми!
Мне больше нечего сказать.
Наденьте шляпы, господа!
Снимите маски.
Я буду
плакать и смеяться до развязки!

* * *

Льстецы, лицемеры и циники...
Я вам завещаю творения века
И прах свой, а может быть, пепел.
Извольте дождаться, иль разжечь костры.
Зря вы думаете, что я такой простой,
Что мне можно влить «правду» в ладонь,
Я лицо своё подставляю под бич.
Бейте ногами, господа — не стесняйтесь.
Но напрасно — увы, — я не стану другим.
Это не истерика — это в крови.

Мечта

Кривой, ободранный, шершавый,
Скупой, истерзанный судьбой.
Великий гений запоздалый
Стоит с протянутой рукой.

Невинна, не бессмертна участь,
Но скажут — вот она, мечта,
Мечта, лежащая под забором,
Была кому-то нужна.

Но что же это, что за сила
Тащила вас упрямо,
Что за мечта подняла над миром,
Во сне летать заставляла?

Была мечта, одна на всех,
Одна была надежда —
Всю жизнь остаться в женихах,
Младенчески туманным, безмятежным.

* * *

Начнём всё заново, дружок.
В твоей руке зелёный посошок,
И сумка на плече твоём.
Прощай, земля и старый дом.

Начнём всё заново опять,
Слова другие к песне подбирать,
И ветер напоёт в пути
Души тоскующей мотив.

Начнём, печали вопреки,
Встречать беду пожатием руки
И верить, что настанет день,
И свет души рассеет тень.

Но вдруг остаться одному
Зачем, не ясно никому.
И почему тугая нить
Не может нас соединить?

* * *

Огонь
В лучах театра мимов
Ты пляшешь
Качели
Мчатся
Леди куда вы?
Всё дальше
Всё в прошлом
Всё что вчера
Всё в прошлом...

Я выбрал жизнь
Угольки окон
Трамвайный город
Музыку
Гитары
Радио
Салют
Дорогу
Электричка, город, Вова
Мы едем
Нас не удержать
Всё в прошлом
Всё что вчера
Всё в прошлом...

Руки
Огонь
Танцует Мим
О Лена!
Леди
Граф
Кувшинки
Лебеди
Кувшин разбился
Ах-мама мама кувшин...
Стога, поля, дорога
Всё в прошлом
Всё что вчера
Всё в прошлом.

Песня ни о чём

За каждой звездой
Скрывается ночь,
А день — лишь звёздный туман
Между дня и ночи.
Утренний звон —
Во вселенной стоит тишина,
И тебя не услышат
На дальней звезде.
По дороге дойти невозможно,
Кислород и ветер
Включаем навсю,
Донесём к планетам мы песни,
Да услышат нам
На далёкой звезде.
В море звёзд разлетаются птицы,
Мысль о вселенной
Разлетается в прах
У разлитых на скатерти виски...

* * *

Пиздец. Дохипповался. Идиот.
Жрать нечего.
Идти некуда.
Говорят — самое время писать.
Точно — вдохновенье так и прёт.
А вообще нехило
Насрать на художника —
Живописно, фактурно, свежо.
А ещё круче
Обосрать поэта.
Слыхали?
Как поэт благим матом орёт?
Да... Пиздец «поэзия»...
Вдохновение так и прёт.

* * *

Плачь, трубадур,
Плачь, менестрель,
Плачь, Генри, плачь.
Невесту твою
Похитил дракон,
Плачь, Генри, плачь.

Ему покорилась
Невеста твоя,
Плачь, Генри, плачь.
Гитару разбей,
Струны порви,
Отныне любовь —
Твой палач.

С тех пор Генри
Не видел никто,
Не слышал Генриха плач.
Но песни поныне звучат,
Что сложил
Генри по прозвищу Плач.

Пока не выйду на таран

Играй, мой рок, моей дешёвой шкурой,
Проси меня, чтоб подождал.
Играй, пока есть силы в грубых
Твоих истерзанных руках.

Налей бокалы да краёв,
А я скажу свой тост последний —
Есть люди, для которых ты, как мёд,
Есть люди, для которых ты не весел,

Мы пьём за тех,
Кого не лечит море,
Кого не греет солнца фальшь,
Мы пьём за тех,
Кто здесь утонет,
Кого не сломит шторма вальс,

За тех, кто в жизни не искал могилы,
Кто был от волн и ветра пьян,
За тех, кто сломит твои жилы,
За тех, кто первым выйдет на таран.

Играй, мой рок,
Играй, а я спою.
Мы не попросим милости паршивой,
Я вечно жду.
Всю жизнь чего-то жду,
Но не с тебя.
Я жду от снов хорошей вести.

Играй, мой рок,
Ты, проданный судьбе.
Дождёшься часа рокового,
Ты, ангел недожитых лет.
Так выпей же со мной за это.

Не нам прощенья дожидаться,
Никто не сосчитает ран,
Играй, мой рок, играй украдкой,
Пока не выйду на таран.

* * *

- Почему ты куришь?
- А почему ты меня не любишь?
- А может, я тебя люблю.
- А может, я и не курю.

* * *

Раннее утро
Приёмник «Шарп»
Радио «Свобода»
Дюк Элингтон
Синие горы
Марихуана кальян

Раннее утро
Цветное ТиВи
Джимми Хендрикс
Мешин Ганс
Приключения капа Врунгеля
Москва не верит слезам

Раннее утро
Раскалённый тракт
Хиповый лагерь
Плывёт в миражах
Храмы Монголии
Караван
Улан-Батор —
Нью-Орлеан

* * *

Сквозь мерцающий мрак манускриптов
Бесконечный стелется путь.
Эта тайна ещё не раскрыта,
Лишь святым откроется суть.

Чёрный воск растопить не в силах
Сердце, что холоднее иглы.
Белый конь обходит могилы,
Белый конь — слуга Сатаны.

Что же люди забыли когда-то,
Что боятся хохот совы?
Может, стоит забыть про тайны?
Память, ты — слуга Сатаны.

Там, где нас сегодня нет

Там, где чистый рассвет,
Где смеялось солнце вслед,
Там страна огней, страна мечты.

Там далеко, далеко,
Где солнце прячется в воде
И облаков янтарный свет,
Но там, где нас сегодня нет.

Никто не спросит — где твой дом,
Никто не скажет о больном,
Никто не скажет — каким ты должен быть.

На берегу большой реки
Живёт город без тоски.
Ты передай от нас привет
Стране, где нас сегодня нет.

Но там, где нас сегодня нет —
Там будет розовый рассвет.
Там будет праздник на сто лет
И встреча весны.

Лети, малыш, туда, лети,
Тех, кто останется — прости.
Возьми с собою лишь мечты
И детские сны.

Теремок

На холмах холмы,
Холмы на холмах,
А горы холмов
На широких полях.

А на самом высоком
Холме у реки
Жил гном — и он
Никогда не грустил.

Он летал по утрам
На дубовом листе,
А днём ловил
Пескарей на реке,

И весело пел
Бубенец в колпаке,
Когда провожал он
Зарю на холме.

И ты не забудь
Заглянуть належке,
Чтоб встретить рассвет
В моём теремке.

И ты не забудь
Заглянуть належке,
Чтоб песенку спеть
С бубенцом в колпаке.

* * *

Ты думал, что однажды придёт неожиданно, вдруг,
Проснёшься на рассвете от прикосновенья рук,
Но приходит очень странно, с опозданием, второпях,
Позвонив, сказав, что снова зарывается в делах.

Непростительная глупость быть поэтом среди чумы,
Прыгать через эту пропасть в осмеяние толпы.
Но сделан шаг неосторожный однажды, чтоб увидеть вдруг,
Что нету пыли придорожной, что это крылья вместо рук.

* * *

Удивительное дело.
Бегу куда-то, для кого-то
Через вершины, через дым заката,
И упираюсь в ледяной ручей,
Чтобы успеть взбежать на борт фрегата,
И в кандалах три года плавать,
И на канатах быть распятым
На фоне алых облаков.
Плывя на яхте или пешим,
Я промелькну у ваших окон,
Я поклонюсь, я буду вежлив,
На вид ужасно одинокий.
И кружкой пива я напьюсь
До состояния безумства,
Крича о принцах, эльфах, гномах,
Хрипя о лете, нежных, чувствах.
Ах, удивительное дело —
Весной болеть тоской о лете.

Я видел ночь

Я видел ночь,
Но видели и вы.
Я видел снег,
Который ещё не был,
Я слышал моря шум,
Шумели стены,
Дыхание громом дней разорвало,
Но тишина убила это сердце.

Я видел ночь
Заснеженной, как память,
Я видел ночь,
Нагую, как стекло.
Пусть скажут мне о том,
Пусть скажут,
Что такое счастье,
Но я убит свирепой тишиной.

Я видел ночь,
Она была красивой,
Была седа, но молода, как снег,
Я был с ней так жесток,
Я ей кричал что было силы,
Я проклинал её,
Как волк бы проклял дождь.

Слепая ночь
Овеяна туманом.
Я не нашёл
Твоих прозрачных глаз.
О ночь, скажи,
За что меня пытала
Молчаньем мёртвым в этот раз.

Твоих ли слёз я не заметил,
В заклятье губ ли тишина,
Прости же, ночь, что я обидел
Твои безмолвные слова.

Renou

* * *

.....бабочка с одиноким крылом жила в кармане куртки. весной она вылетала, расправив единственное своё крылышко. летом бабочка танцевала с цветами, а осенью пряталась снова в карман, чтобы спать всю зиму, и так до весны.

.....когда они окружили бабочку, то она испугалась, решив, что ей снится долгий зимний кошмарный сон. но они всего лишь смотрели, и бабочка перестала бояться. а один мальчик смастерил крылышко и, прищипав его бабочке, уехал на велосипеде на край земли.....

Некрасов

Другие сны

Мне приснилось небо в болонках. Повсюду над головой только и было, что колечки шерсти и чёрные кнопочки-бусины носов и глаз. Даже невозможно было отличить, где заканчивается одна собачка и начинается другая.

Удивлённые прохожие, заметив, какое сегодня небо, останавливались на минутку, пожимали плечами и продолжали идти по своим важным делам.

Проснувшись утром, я первым делом взглянул в окно, но оно было совершенно пустым, без каких либо признаков живности — даже никакого задохлого джунгарского хомяка в нём не было, не говоря уже о кошках или тем более собаках. К тому времени, как я вышел из дома, сон я уже почти не помнил, в голове осталось только что-то смутное и очень нереальное.

Лохматик и сам не знал, откуда ему пришла в голову эта мысль. Но только сделать это было очень необходимо, как если бы от этого зависело очень-очень многое. Даже если и не знаешь, как. От такой мысли даже спать по ночам перестанешь, не то что кушать.

А когда он засыпал, то попадал во сне в странное место, где было много других собак. И люди там тоже были, но только они не гладили никого, а ходили, задрав головы вверх, и рассматривали пустое небо.

Лохматик подбегал и дёргал их за штанины. От этого люди вздрагивали, как если бы вспоминали что-то, и медленно или быстро таяли в воздухе.

Идея Смерти

В идею Смерти привнесено много эмоционального, оценочного. Тело может испытывать боль, эмоции же будут приглушены из-за резкого сужения спектра сознания, внезапного пробуждения в тут и теперь, голова же осознаёт некий итог, что это вот и всё.

Это чувство выскальзывает словно из рук, его сложно сколько-нибудь долго удерживать. Отчасти от непривычки, отчасти оттого, что природа его чужда.

Как обратное движение маятника резкое переключение в страшный, но привычный мир. Боль позволяет больше внимания уделить телу, скорее вернуться. Анализируя автоматически ситуацию, из памяти извлекается мысль о том, что это послешокковое состояние, и психика в этот момент особенно восприимчива. Но мысли о том, чтобы переключить себя на что-либо, в голову не приходят. В голову не приходит вообще ничего. Какое-то время словно смотришь фильм по телевизору, который расположен под неким углом к горизонту.

Через время замечаешь, что доминирующим чувством становится ожидание. Не кого-то или чего-то, а ожидание как таковое.

Дальше.

Дальше, ещё так недавно обрётённое прочно врастает и врастается, какое-то время удаётся отслаивать эмоциональные составляющие, но дольше всего память сохраняется в самом труднодоступном месте — в человеческом теле.

Это всё.

Круг

Это во всём. В шорохе проносящихся машин, шелесте одежда прохожих, в призывах рекламы. С каждым шагом, с каждым ударом сердца в груди, таким неслышным и естественным, что даже не замечаешь его. С каждой долей секунды.

Это так рядом, что кажется нереальным, и ближе этого только кожа.

Когда пересыхает в горле, и дышишь остро всей поверхностью тела. И уже не просто слышишь, а знаешь, КАК бьётся твоё сердце.

Так скоро замыкается круг, и внутри его ты и твой мир. Как реальный, так и выдуманный.

Больше ничего.

Море внутри

Доброе утро!

Честно говоря, сначала было некоторой проблемой сесть в автобус на Светлогорск или Зеленоградск, поэтому когда подъехал «микрик» на Пионерск, да ещё полностью пустой, — терзавшие меня сомненияй напрочь испарились.

Мне повезло выйти к морю где-то далеко вправо по побережью от города. Я стоял под соснами, на некоем подобии песчаных дюн, и смотрел, как медленно крупными хлопьями падает снег... Ветра почти не было, и во всём чувствовалось пространное спокойствие.

Волны бежали довольно медленно, и было интересно наблюдать, с какого именно момента набравшая силу волна вдруг начинает заламываться и рассыпаться пеной, так и не дойдя до берега, чтобы, отхлынув, показать скрытый участок морского дна.

Слушая плески волн, мне казалось, что в их движении есть некий ритм, какая-то неправильная гармоническая структура, и я всё старался уловить её, вычленив рисунок её из общего хаоса звуков, но безуспешно. Волны всё так же уходили в море, а я тщетно старался понять их тайну.

Иногда мне казалось, что весь мир — это просто движение волн и хлопья падающего снега, покрывающего дюны белым ковром, и я — только часть происходящего. Снег покрывал меня белым, и я стоял, слушал, смотрел.

Финикея

— Пстой, Финикея, что слышишь ты?

— Я слышу, как серебристые колокольчики поют, поднимаются вверх и обращаются отблеском света Звезды Несказанной.

— Скажи, Финикея, что видишь ты?

— Я вижу, как звёзды в своём хороводе пленяются светом Её.

— Финикея, куда же ты?

Смолчит тишина и обернётся неожиданным сиянием пламя свечей.

Понка

* * *

Не осознай, творя, что это мышеловка,
Не смотри и не видь!
Не смотри и не мысли!!
А осознав, не пытайся уйти...
Поздно.

Ты здесь, и это навечно.
Ты здесь, и так будет всегда!
Не кричи, не беги:
У тебя нет ни ног, ни языка,
На твоём лице маска,
Но снять её ты не можешь:
У тебя нет рук.
Ты слаб, творец!
Ты ничтожен, калека!
Ты — кукла, брошенная в воду.
Ты тонешь, но не можешь позвать на помощь:
Ты нем.

Рядом с тобой тростинка,
возьми её!

Ах, да ты не можешь,
Ха-ха-ха-ха, ты без рук, творец.
Под тобой близко дно, оттолкнись
и всплыви...
Но ты отдал ноги.

*

Но ты видишь это,
Ты умеешь слышать,
Твой мозг чист,
Спаси себя мыслью, надеждой,
И она дарует тебе новую жизнь.
И новый шанс.

У тебя станут руки,
И ты снимешь маску.
У тебя будут ноги,
И ты уйдёшь.

Ты перестанешь молчать
И скажешь мне истину.
Ты уйдёшь, и тебя забудут.
Ты будешь мёртв без них.
Безликая кукла.

Ирочи

Моя подруга птица

Моя подруга птица. Она рано встаёт и поздно ложится. Дни летят, а она всё так же прекрасна. Вот уже золото спустилось на землю. Слёзы небес всё чаще умывают её. Мы вместе? Не знаю. Возможно, отчасти это так.

Телевидение — сладкий морфий новых дней.

Вспышка! Бах — и я встаю. Не открывая глаз. Медленно и тихо. Прохожу на кухню. Еда — пища для тела, любовь — пища для души. Баланс — это прекрасно!

Стук, стук, стук — ботинки по лестнице мимо зазеркалья и на улицу. Лучи Ра и шелест багряной листвы — это признак приближения меланхолии. Блажен, кто верит, блажен, кто так думает. Аромат, тс-с-с-с, тише, не упусти. Вот он, здесь, и там, лови его. Нос-горло-лёгкие — дорога запаха, рецепторы расслаблены, и чувствительность повышается.

Моя подруга птица.

Шаг за шагом — ближе к вожделенной цели и дальше от мечты.

Один и не один, сам с собой. Проклятое время — словно специально движется черепашьей походкой.

Тик-так-тик-так и сердце стук-стук-стук сто восемьдесят на шестьдесят. Боль — порождение времени, его дитя. Дикое и необузданное. Как жаль, но мать никогда не убьёт сына.

Глубина проникновения слов в душу настолько велика, что порой не хватает кислорода.

Моя подруга птица, а я один.

Волна за волной, и густая пена разлуки у твоих ног. Она мягкая, но ты не должен этому верить — это игры твоего разума. Щёлк! — и мягкая тёплая пена превратилась в клубок змей. Их шипение — это поэзия, поэзия безнадёжности и злобы. Ш-ш-ш-ш — перепонки разрываются на части, мерзкие скользкие кольца обвивают твои ноги. И ты уже неспособен идти. Остаётся только одно, ждать.

Тук-Тук, Тук-Тук — эхо вчерашних осколков задаёт ритм нового дня.

Моя подруга птица. Я вижу её на высокой горе, такой высокой, что звёзды целуют ей ноги. С правой стороны возле неё сидит огромная Медведица с кроваво-красными глазами, с левой стороны Кассиопея. В руках у неё веретено с золотыми нитями, и даже Норны не смели делать за неё работу.

Тёплые краски добрых компаний греют душу. А что особенно приятно, что в них ты не растворяешься, а занимаешь подобающее тебе место и награждаешься собственным цветом.

И вот все эти люди напоминают палитру художника. Он берёт кисть в свои старые, но неизменно твёрдые руки и размазывает краски по холсту. Но в эти моменты он забывает о тех, кто стоит за каждым из цветов, и наобум смешивает цвета, и часто эти цвета несовместимы друг с другом, — так он получает любовь, но эта любовь чёрного или серого цвета.

Моя подруга птица. И мне очень жаль, что она не может летать. Кто-то подрезал ей крылья, когда она спала, и ей приходится ходить по земле и грезить о небе. Я знаю, что когда крылья вырастут, она от меня улетит, но пока она со мной, и я счастлив!

По весне вместе с первыми лучами солнечного тепла она выйдет на балкон и, расправив новые крылья, будет ждать попутного ветра. Я вижу, как под балконом собираются люди, чтобы полюбоваться её прекрасными крыльями.

Мне страшно оттого, что я вижу, как к ней приближаются два ветра, но лишь один из них — добрый попутчик, — второй же — злой ураган. Я хотел бы указать ей на правильный ветер, но она уже не слышит меня, потому что это для неё не важно. Ради свободы полёта она готова идти на смертельный риск, и шанс один из двух её вполне устраивает.

Экран гаснет, и теперь я могу видеть собственное отражение. Но это моё и ничьё больше, и никому не положено его видеть — потому что это моё истинное Я — чудовище с душой ребёнка.

Моя подруга птица...

Убить бога

Всё это здесь, всё это рядом.
Рядом с тобой, рядом со мной, рядом с нами.
Услышь призыв сансары,
Сделай парочку оборотов, и ты в раю.

*Чтобы явить бога — надо истинно уверовать в него,
Чтобы убить бога — надо потерять эту веру.*

О Иссид, владыка всего сущего, склоняю голову пред тобой, душа твоя — душа моя, тело твоё — тело моё, деяния твои — деяния мои. О Иссид, являющий жизнь! О Иссид, дарующий смерть! Снизойди до смертных, научи детей своих. Называю имена твои — проникаю в сущность твою:

Иссид — добро
Иссид — любовь
Иссид — мир
Иссид — счастье...

Дрожащее пламя свечи отбрасывало на стену причудливые тени, они извивались в ритме танца, рождались и умирали. Полумрак не давил, а, наоборот, одаривал меня долгожданным чувством свободы. Музыка подкрепляла и помогала мне чувствовать ярче и естественней. Глоток священного напитка уже начал оказывать своё благотворное влияние, разрушалась иллюзорность восприятия, стирались грани, тело моё воспарило над всеполагающим бытием и начало медленно удаляться из муравейника.

Поначалу в моей голове был полный хаос, по-видимому, мозг адаптировался к миру иной реальности и выдавал довольно непонятные вещи. Чёрт его знает, какие мысли мне тогда лезли в голову, но одну я запомнил хорошо. Я поглядел вниз, на бесконечное множество копошащихся людей, и крикнул что было силы:

— Эй, вы, крестообразные шароупорцы!
Трапецидируйте параллелограмцев,
Кубируя при этом эллипсоидную
Пирамиду тетраэдов!

Вдруг всё это множество резко прекратило всякое действие, и я почувствовал на себе миллиарды сосредоточенных взглядов. В этот момент почему-то мне стало невероятно стыдно, совсем ненадолго, на мгновение, я почувствовал, как налились кровью мои щёки, и голова раскалилась, и казалось, что она вот-вот закипит. Ещё немного посмотрев на меня, все вернулись к своим обыденным делам, муравейник продолжал жить, а я продолжал полёт.

Чарующие голоса заполнили моё сознание, тело моё окутала тёплая и очень нежная зелёная пелена. Я двигался по спирали вверх! Блаженные минуты раскрепощения разума. Иссид! Иссид! Твой сын зовёт тебя. Траектория полёта поменялась, теперь я парил горизонтально, а пелена изменила цвет на синий и стала влажной, складывалось такое впечатление, что я перемещался в огромной капле воды.

Узреть бога невозможно, но почувствовать его — это блаженство. Я был в нём, а он был во мне, мы составляли единое целое и в то же время противоречили друг другу. Чтобы бог обрёл истинную силу, его нужно питать как можно большим количеством веры. Иссид! Иссид! Наслаждение плоти — это самый низкий уровень восприятия: лишь душа способна познать истинное блаженство. Птицы, животные, растения, — всё это — всего лишь средство достижения цели. Конечность существования не позволяет плоти взять верх над сознанием.

Я и не заметил, как вернулся назад, в свою комнату, на свою изъеденную клопами кровать. Я медленно встал, огляделся: вокруг меня был новый мир. Цель, являющая смысл существования. Иссид с нами! Ну что, к действию, полёт окончен.

— Ну, ещё немного! Да, вот так, детка... хорошо... ну давай...

Любовь отнимала у нас силы, а взамен давала надежду и умиротворение.

— Какая у тебя нежная кожа, мне так нравится ласкать твоё тело, источающее желание, желание порока и страсти!

— А я тебя люблю, — тихо сказала Лиза.

Я немного приподнялся на подушку и сказал: «Я тут написал кое-что, хочешь послушать?»

— Конечно, — ответила она. Я громко вздохнул и начал декламировать:

*эйфория сознания
глаза... глаза... снова глаза, ноги
ты хочешь уже, трогай
мистический цвет излучает тело твоё
ты моё, я твоё, продолжаем
дрожь... сердце стучит, ты слышишь
я да.
Нож, это не я, это ты,
Мечты, сладкие, сладкие.
Нежность и всё... подожди, помолчим....
Я твоё, ты моё,
Глоток, ещё глоток, продолжаем.
В блаженстве поток тела погружаем.
Веселье сменит танец. Ты ещё здесь?
— Я растворяюсь.
Это твоё, твоё, твоё, твоё тепло!
Тебе всё равно? Мне — да.
Я твоё, ты моё.*

*Своим жалом змеиным целуешь меня.
Стоп, подожди.
...Это твоё дыхание?
Потому что я не различаю.
Цвет привлекает зверей...
Быстрее, быстрее, ещё быстрее.
Не извиняйся, я тоже.
Отдели зёрна от плевел.
Откажись от реальности,
Проникнись фантазией.
Ты тоже это видишь? Повсюду души умерших.
Ты мне веришь? Повсюду снег, белая девственная пелена.
Холод так и жжёт, слушай природу. Природа не лжёт.
На наши тела поутру прилетит вороньё.
Ты моё, я твоё.*

— Вот и всё.
— Это ты написал?
— Да.
— Это так здорово! — её лицо выражало неподдельный восторг.
— Тебе действительно понравилось? — не доверяя её лицу, спросил я.
— Да! Так чувственно и проникновенно, а ещё в сочетании с этой музыкой.

Надо сказать, это не было импровизацией. Я заранее поставил компакт с необычайно подходящей и даже дополняющей стихотворение мелодией. Получилось что-то вроде маленького представления.

— Тебе нравится моя музыка?
— Да, очень! Ничего лучшего для единения тел я ещё не слышала.
— А как насчёт души? — я заглянул своим вопросом в её глаза.
Она засмузилась, опустила свои глазки и застенчиво сказала:
— А что насчёт души?
— Ну, насчёт единения души, — я продолжал смотреть ей в глаза. А она продолжала стесняться, то поднимая, то опуская свои прелестные глазки. Надула губки и сказала:

— Не знаю, я об этом не думала.
— Ты веришь в бога? — задал я ей прямой вопрос.

По-видимому, эта тема заинтересовала её, она приподнялась на подушку и теперь находилась со мной на одном уровне, так что теперь мне было неудобно смотреть ей в глаза и я начал смотреть на стену, которая была весьма непривлекательна: серая и сырая. Устроившись поудобнее, она продолжила беседу:

— Не знаю. У меня родители верующие, иногда ходят в церковь, отмечают христианские праздники. Меня в детстве крестили, правда, я тогда была очень маленькая и ничего не помню.

— Это насилие над личностью, — возмутился я.
— Что?

— То, что они пытались навязать тебе своего бога. Каждый человек должен сам, добровольно, без принуждения обрести бога, тогда и только тогда он сможет проникнуться им.

— А ты веришь в бога? — спросила она у меня

Я сделал серьёзное лицо, немного помолчал и сказал:

— Я верю в Иссида. У моего бога много имён, но зато я хотя бы знаю, как его звать, в отличие от других. Понятие «БОГ» слишком абстрактное, каждый верит в бога, просто для каждого он находит своё воплощение.

Лиза сделала недоумённое лицо и передёрнула плечиками:

— Иссид? ни разу не слышала о нём.

Я повернулся и, посмотрев ей в лицо, сказал:

— Ну, теперь ты знаешь о нём, и что будешь делать?

Она взяла меня за руку:

— Не знаю, расскажи мне о нём, мне стало интересно.

— А ты готова истинно уверовать в любовь?

— Да, — ни на секунду задумываясь, произнесла она.

— А в добро?

— Да.

— А в счастье?

— Да.

— А в мир?

— Да.

— А в Иссида? — торжествующе произнёс я.

— Да, — машинально ответила Лиза, затем смутилась и воскликнула: — Ой, то есть, не знаю, ты меня совсем запутал, при чём здесь твой Иссид?

— Я называл тебе его имена. Иссид — это обобщённое понятие, что-то вроде аббревиатуры.

Лиза немного задумалась:

— Ты хочешь сказать, что твой бог — это воплощение добра, мира, счастья, любви.

— Нет, я хочу сказать, что Иссид — это добро, счастье и любовь. Иссид — бог свободы и раскрепощения, согласия и примирения. Иссид, являющий жизнь, Иссид, дарующий смерть!

— Дарующий смерть... — удивилась она. — По-твоёму, смерть — это дар божий?

Её удивление меня ни капли не смутило, и я продолжал:

— А по-твоёму — нет? Разве смерть не даёт нам освобождения от наших страданий? Разве не смерть является стимулом к существованию? Смерть — это дар, который надо принимать с должным уважением.

Лиза грустно посмотрела на меня и сказала:

— Не знаю, я не хочу умирать, я хочу быть с тобой.

— Ну как ты не понимаешь, что смерть способна объединить нас в единое целое. Смерть открывает двери в иной мир, разрушает иллюзорность земного бытия, только там две половинки способны создать единое целое.

Впитав, как губка, полученную от меня информацию, Лиза продолжала проявлять любопытство:

— А откуда взялся твой Иссид?

— Ниоткуда. Он просто был, и всё.

Лиза прищурила глазки и сказала:

— Такого не может быть, если что-то есть, то, значит, что-то откуда-то взялось.

Я даже немного ухмыльнулся:

— Это логика примитивного земного сознания, за рамки которого ты не можешь выйти. Тебе надо расширить своё сознание, чтобы постичь Бога.

— А как мне это сделать? — с интересом спросила она.

Я придвинулся к ней ближе, совсем близко, настолько близко, что я уже мог ощущать своим телом её сердцебиение. Обняв её за талию, я прошептал ей на ушко, предавая таинственность словам:

— Если ты действительно хочешь, то я помогу тебе.

— Да, я этого хочу, — поддерживая ореол таинственности, шёпотом произнесла она, затем, повысив голос, игриво сказала: — А ещё знаешь, чего я хочу? — и, повернувшись ко мне, принялась меня жадно целовать.

— У тебя очень горячие руки.

— Это пламя страсти обжигает твоё тело.

— Ну, иди ко мне...

Две свечи стояли напротив друг друга, по всей комнате, увешанной цветными коврами, распространился дурманящий запах благовоний.

— Тебе так удобно? — заботливо спросил я, устраивая Лизу на полу.

— Да.

— Для освобождения и познания необходимо очистить свой разум и тело. Сними бренные одежды и избавься от порочных мыслей.

Она с покорством приняла мой призыв, и я помог ей снять платье, разделся сам и сел напротив неё, положив руки на её белые ноги. Мы приняли напиток около получаса назад, и он уже начал действовать. Я посмотрел ей в глаза и сказал: «Приготовься, мы отправляемся в путь!».

Её движения стали плавными, она с изумлением оглядывалась по сторонам.

— Ты это видишь? — тихо, как будто боясь упустить видение, сказала она. — В комнате нет стен. Вокруг нас бесконечность... Я не чувствую своего тела... Мы что, летим? Я боюсь, держи меня за руку.

Она протянула мне свою руку, я ухватился за неё и успокаивающе сказал:

— Не бойся! Я буду твоим проводником в мире истинной реальности.

Она успокоилась, и мы медленно, держась за руки, двигались вверх по спирали, окутанные зелёной пеленой. Её мозг уже прошёл стадию адаптации, взгляд больше не выражал удивление, он стал трезвым и осознанным.

— Мне кажется, я начинаю понимать, — говорила она, — я начинаю чувствовать. Ты — бог, я — бог, мы — бог. Иссид со мной, он не говорит, но я его понимаю.

— Прислушайся, это голос разума транслирует слово Божие, — медленно сказал я.

— Ты тоже слышишь? — взволнованно произнесла Лиза.

— Да.

Она начала проникать в сущность. Моя вера рождает Бога, даёт ему силу, я нужна ему, он нужен мне... мы растворились в мире навязанных обществом образов... Зло живёт на улицах нашего разума... Стереотипы разрушают личность... Любовь — истина, не поддающаяся исповеди.

Неожиданно я ощутил нужный момент и потянул Лизу за руку:

— Послушай, мы должны изменить направление полёта.

Теперь мы двигались горизонтально, находясь в водной сфере. Мир вокруг нас изменился, мы парили над и под бескрайними полями и долинами с ручьями и реками, они как бы висели в пространстве так, что можно было видеть их и снизу, и сверху.

— Ой! — радостно воскликнула Лиза, — ты только посмотри на этих невообразимо живых животных, какие они милые и мягкие, я хочу их потрогать, они ведь реальны?

— Они истинно реальны, но, Лиза, прошу, не концентрируй своё внимание на конкретике, слейся с этим миром, проникнись им, мы сейчас пребываем в божестве, в материи высокого разума.

Я опять не помню, как мы вернулись в наш мир, теперь мы не сидели друг напортив друга, а лежали на полу, обнявшись.

— Иссид с тобой, — нежно прошептала Лиза, глядя мне в глаза.

— Иссид с нами, — поддержал я её.

Она сильнее прижалась ко мне:

— Это было нечто невообразимое, старый мир умер, я наблюдала рождение нового мира.

О Иссид, являющий жизнь, о Иссид, дарующий смерть!

— Истинно веришь, спрашиваю я тебя, — со всей серьёзностью в голосе обратился я к Лизе.

— Истинно верю, отвечаю тебе. Но послушай, так же нельзя, сколько заблудших и отверженных ходят по земле в поисках своего бога. Я хочу явить им Иссида, дать людям исцеление больного разума.

— Но я же тебе говорил, что нельзя навязывать веру, это насилие! А насилие — это грех. Это предательство Иссида.

Она поцеловала меня и начала говорить таким тоном, как будто просила у меня разрешение:

— Я не буду никому навязывать своего, — она оговорилась, ей стало неловко, и она тут же поправилась, — то есть, нашего бога. Я хочу нести в мир слово Божие, рассказывать людям о нём. У меня есть один знакомый, он живёт совсем один, у него нет ни родственников, ни друзей, если он познает Иссида, он будет счастлив, как и я, я хочу, чтобы он узнал имя Бога.

Я подумал, это отличная идея, мне как раз требовалось место для сбора последователей Иссида. Поэтому я сказал:

— Отлично, ты дашь мне его адрес, и мы встретимся у него дома через неделю. За это время мы будем всем знакомым нам людям рассказывать об Иссиде. Иссиду нужны силы, ему нужна вера, давая ему веру, мы становимся сильнее и свободнее.

Убейте плохого человека — и люди скажут вам спасибо.

Убейте хорошего человека — и люди вас возненавидят. Присутствие человеческого фактора занижает важность произошедшего события.

Убейте бога — и вы достигните истинного совершенства. Убийство на уровне сознание — это высшая степень блаженства. Эту блажь познали те немногие, кто убил древних богов. Я не знаю, кто убил Зевса, Одина, Ра, кто разрушил языческие пантеоны. Но я знаю одно — они были виртуозами своего дела. Убить человека — доступное каждому, и не привлекает, и, более того — отталкивает, но вот убийство бога способно возвысить человека, поднять его на абсолютно новый уровень восприятия.

Любая вера — это страх. Мы всегда боимся того или то, во что мы верим. Боимся прогневать Бога, боимся отпугнуть удачу, боимся потерять любовь. Вера, замешанная на страхе, не может быть истинной, ибо Бог не враг, которого следует бояться, а отец, которого следует любить и почитать.

Сегодня — день встречи последователей, момент ответственный, но меня это не пугало, наоборот, даже чувствовался какой-то подъём настроения. Я был готов к полёту, был готов к тому, чтобы стать проводником заблудших душ.

После того, как я проснулся, минут двадцать я потратил на изучение потолка. Глядя в эту унылую, серую, с вкраплениями комариных мумий поверхность, я попытался поймать какую-то мысль, которая крутилась в голове, но никак не доходила до моего сознания. Так и не добившись успеха на попроще мыслительной деятельности, я лениво встал с кровати, вернее, не встал, а сполз, и, оказавшись на холодном сером полу, резко вскочил и направился в ванную комнату. Побрился, помылся, чуть не забыл, но вспомнил и почистил зубы. Посмотрел на собственное отражение в зеркале и произнёс: «Пророк Иссида будет говорить с вами, братья и сёстры». При этом многозначительно поднял руки. После сказанного изверг из недр ротовой полости струю воды, перемешанную с зубной пастой, в собственное отражение. Лицо моё начало медленно сползать в умывальник. Выйдя из ванной, я быстро оделся, перекусил, чем бог послал, и вышел из квартиры. Преодолев три лестничных пролёта и около двухсот метров асфальта, я оказался на автобусной остановке, в зубах дымилась сигарета, в плеере играла любимая музыка.

Когда я поднялся на третий этаж и позвонил в дверь квартиры за номером тридцать три, мне открыла Лиза. Я было удивился, почему выступила в роле швейцара она, а не хозяин дома, но Лиза тут же развеяла моё удивление: «Перед посвящением Вася решил принять ванну». Я сказал: «Хорошо», поцеловал Лизу и хозяйской походкой, не снимая ботинок, прошёл в зал. В зале на полу уже сидели будущие последователи Иссида. Увидев меня, они встали. Я подошёл к ним, пожал руки тех, кого не знал, тех, кого привела Лиза, их было шестеро, посему пришлось шесть раз продемонстрировать отсутствия оружия в моей руке. После приветствия все сели обратно на пол, не задавая мне никаких вопросов. Я тоже сел на пол,

усадив рядом с собой Лизу. Мне вдруг стало любопытно, почему так случилось, что те, кого привёл я, были девушками, а кого привела Лиза — были парнями. «Наверное, — заключил я, — это половая зависимость, очевидно, мне было легче и, чего скрывать, приятнее общаться с представительницами противоположного пола, ну и Лизе, конечно, тоже». В этот момент где-то глубоко зазвучал глухой голос ревности, но я тут же заглушил его, поцеловав Лизу.

Минут через пять из ванной вышел хозяин квартиры Вася, он медленно зашёл в комнату, всем видом продемонстрировав окружающим свою пассивность к жизни. Несмотря на то, что он только вышел из ванной, его лицо было бледным, и мне даже стало немного жаль, хотя я не люблю жалеть людей, потому, что жалость — это удел слабых, это относится и к тем, кто жалеет, и к тем, кого жалеют. Когда человека жалеют, думают, что помогают ему, а на самом деле наносят непоправимый урон его механизму самосохранения, расслабляют человека и подавляют в нём всякое стремление к полноценной жизни.

Проходя мимо сидящих в комнате людей в поиске места, Вася вёл себя так, как будто он не хозяин, а гость, более того, гость неожиданный, никому здесь не нужный. Прежде, чем сесть на пол, он успел раз пять попросить прощения у тех, кого случайно слегка задел халатом, прикрывающим его тщедушное тело. Причём прощенье просил так искренне, будто бы не халатом их задел, а попрыгал на их ногах.

Было поздно, за окнами крошечная тьма, все нормальные люди отошли ко сну. Самое время для церемонии посвящения. Я начал: «Братья и сёстры, дети Иссида. Для освобождения и познания необходимо очистить свой разум и тело. Снимите бранные одежды и избавьтесь от пачкающих ваш разум порочных мыслей». Все, не торопясь, разделись, сели и в ожидании уставились на меня. Как это ни странно, я совершенно не испытывал стыда оттого, что такое количество людей лицемерно мою наготу.

Лиза подала мне чашу со священным напитком, я сделал из неё глоток и передал по кругу. Каждый посвящаемый отпил из этой чаши, и, когда круг замкнулся, я уже мог видеть её дно. Отложив чашу в сторону, я начал настраивать себя для предстоящего полёта.

В комнате главенствуют полутона, на полу сидят двенадцать обнажённых мужчин и женщин. На столе горят двенадцать свечей. Не правда ль, символично?

Двенадцать голосов слились воедино, вдохновенно повторяя: «О Иссид, владыка всего сущего, склоняю голову перед тобой. Душа моя — душа твоя, тело твоё — тело моё, деяния твои — деяния мои. О Иссид, являющий жизнь! О Иссид, дарующий смерть!» Все внезапно замолкли, в комнате воцарилась мертвецкая тишина. Я сказал: «Пророк Иссида будет говорить с вами, братья и сёстры. Иссид, — продолжал я, — снизойди до смертных, научи детей своих. Называю имена твои — проникаю в сущность твою.

Иссид — добро

Иссид — любовь

Иссид — мир
Иссид — счастье».

На этот раз во время адаптации в моей голове крутилась только одна фраза, которую я снова и снова повторял про себя, не желая делиться ею с остальными: «Двенадцать человек на сундук мертвеца, ё-хо-хо, и бутылка рому».

Полёт проходил по той же схеме, что и прежде, но теперь я воспринимал этот мир более ярко. Он становился мне родным, и мне не хотелось его покидать. Но конец полёта неизбежен, прощай, реальность, здравствуй, муравейник!

Когда полёт окончился, последователи не сидели на полу, а лежали на нём в разнообразных позах и сладко потягивались в истоме. Постепенно блажь Иссида покидала их.

«Хочу спросить вас, братья и сёстры, — громко объявил я, — истинно ли вы уверовали в Иссида?»

В ответ монотонно в унисон зазвучали голоса новоиспечённых последователей Иссида.

— Истинно верю в Иссида, истинно верю в любовь, истинно верю в добро, истинно верю в мир, истинно верю в счастье.

Лиза придвинулась ко мне, обняла и нежно сказала: «Иди ко мне, нельзя нарушать единения, подаренного нам Иссидом. Действием своим назовём имена Иссида». Я взял её за руку, и мы вышли в другую комнату.

Когда мы вернулись, все уже были одеты, в комнате по-прежнему было тихо, каждый последователь был занят своим делом. Лена рисовала цветными карандашами какую-то абстракцию, Миша с Ирой занимались любовью. Не стесняясь и не стесняя присутствующих в комнате. Света играла на гитаре замысловатую, но в то же время весьма приятную мелодию, а сидящий рядом Дима читал под Светину музыку стихи собственного сочинения, следующего содержания:

*Необычный день, сегодня начался с утра он,
Солнце вышло необычно, медленно с окраин.
Было многое не ясно с пор тех, что проснулся я.
С неба луч меня касался, шествуя по плечам.
Обжигая ноги, руки, ласково играя,
Был он красен без прикрас, меня испепеляя.
Атом к атому сложился, кость к кости легла,
Что кресты на теле были, то душа спасла.
Пустота приходит в силу, в день, когда бессилён ты,
Но скрепили мою сущность в этот день мечты.*

Ни на кого не обращая внимания, Вася сидел за столом, скорчившись за какой-то бумажкой. Мне стало любопытно, я подошёл к нему и поинтересовался, чем это он так занят.

Вася живо поднял голову и посмотрел на меня. Я был поражён, его глаза источали такую жизненную энергию, что я невольно заострил на них внимание, а Вася как будто понимал то, что в данный момент я упиваюсь энергетикой его глаз, и не говорил ничего до тех пор, пока, пока я не оторвал взгляд от его глаз, переводя его на исписанный лист бумаги. И вот Вася приступил к объяснению своих записей:

— Понимаешь, познав Иссиду, меня вдруг озарило — сущность мира, нашего мира, духовна, не материальна. Вот, посмотри, это схема жизни и формулы к ней, — Вася нарисовал круг и заявил: — Представим, что это наш мир. Это — конструкции, дома, заводы и тому подобное, — он начал рисовать внутри круга прямоугольники. — Конструкции, — продолжил он, — появляются и исчезают в процессе жизнедеятельности, причём материя их постоянна, и её количество никогда не меняется. Это средние люди, — Вася изобразил небольшие кружки внутри основного круга, — люди, занимающие средние позиции, понимаешь? — я непроизвольно кивнул головой, — а это, — теперь он рисовал большие круги внутри «жизненного круга», — люди, занимающие много места, причём не физически, а духовно. Ну и, наконец, как я их назвал, «серые люди», — Вася начал заполнять оставшееся место в круге маленькими точками. — А теперь — главное, поскольку серых — подавляющее большинство и они склонны к размножению, им нужно всё больше нового пространства, поэтому они начинают вытеснять «высших» — тех, кто занимает много места, понимаешь, серость подавляет гений.

Я, конечно, ничего не понял, но многозначительно растянуто произнёс: «Да...», — и собирался было отойти от него, но Вася потянул меня за рукав:

— Подожди, я не рассказал тебе о формулах. Вот, смотри, это смертность по мере заполнения круга, она единична, — Вася с невероятным упорством изобразил ряд единиц. — А это C_e — естественная смерть, она — константа. Начало жизненного цикла характеризуется следующей формулой $P=C$, где P — рождаемость, C — смертность, причём C не равна C_e , так как C — переменная, а C_e — константа. Следовательно, — Вася провёл жирную стрелку от неравенства C к C_e , — P равна C плюс C_e , — Вася торжественно заключил свою формулу в рамку и провозгласил: — Это закон о вытеснении материи. Новая материя вытесняет старую, подвергая вытеснению, в первую очередь, людей, занимающих много места! — закончив, он с чувством выполненного долга посмотрел на меня в ожидании моей реакции. Ну что я ещё мог сказать на весь этот бред:

— Вася, ты гений! Это переворот в науке!

— Ты действительно так думаешь, старший брат?

— Да, — соврал я, а что мне было делать в этой ситуации, сказать правду означало разрушить и без этого хлипкий внутренний мирок Василия Кузякина. Может, это была жалость?

Ну да ладно, мне всё порядком поднадоело и я, не став интересоваться, чем занимаются остальные, вышел из комнаты. Я хотел отдохнуть, в моей

голове была только одна мысль, я думал о том, как было бы здорово рухнуть на свою родную, изъеденную клопами кровать. Быстро попрощавшись с посвящёнными, я вышел из дома и направился в сторону остановки.

Когда Лиза вернулась домой, родители были дома. Она сняла пальто, скинула ботинки и скользнула в свою маленькую комнату, при этом бросила родителям сухое: «Привет, ма, привет, па». Войдя в комнату, легла на кровать и погрузилась в глубокое раздумье, ей надо было переварить весь тот огромный поток информации и чувств, который обрушился на неё за последнее время. Размышления резко прервал голос мамы:

— Доча, подойди сюда, пожалуйста!

— Зачем?! — спросила Лиза, не желая покидать мягкий диван.

— Ну иди, нам надо с тобой поговорить, — настойчиво продолжала мать. Лиза нехотя встала, надела тапочки и зашаркала на кухню, где родители пили чай.

— Ну что ещё? — спросила Лиза, выражая голосом обременение. Хотя из комнаты Лизу звала мать, разговор начал отец.

— Мы с мамой посоветовались и решили отправить тебя в Церковно-приходскую школу

— Чт... — хотела возмутиться Лиза, но её резко прервал отец

— Подожди, не перебивай. Мы с мамой люди верующие, так? И хотим, чтобы наша дочь тоже была богопослушной христианкой.

— Это невозможно! — возразила Лиза

— Почему? — в два голоса спросили родители.

— Потому, что я уже обрела своего бога, — умиротворённость её тона придавала возмутительную значимость этим словам.

— Что значит — своего? — спросил отец.

Лиза широко раскрыла свои прелестные глазки и, посмотрев наверх, сказала:

— Я познала Иссида, бога единства. Иссида, являющего жизнь! Иссида, дарующего смерть!

Отец от такого заявления вскочил со стула, опрокинув при этом чашку с чаем, и подошёл к Лизе:

— Что ты сказала! — прорычал он — Какой, на хрен, Иссид, прости господи, — он перекрестился, притом по-католически, слева направо. — Ты крещёная, крещёная в православной церкви, значит, ты православная, значит, ты должна верить в нашего бога, — его тон стал нравоучительным. — Ибо только наш бог истинный!

Лиза не уступала отцу, хотя в её голосе то и дело проскакивала дрожащая нотка:

— Ты же говорил, что бог един! Что он един для всех без исключения, просто имена у него разные.

— Да, говорил, и что? Да, Бог един, и это наш единый христианский бог.

Лиза как бы не слышала этот неимоверно глупый ответ отца.

— Я истинно уверовала в Иссида, я познала его, Я — бог.

— Что ты сказала?! — вспыхнул отец. — Не богохульствуй. Язычница! — с этими словами на мило лицо Лизы опустилась тяжёлая мужская рука.

— За что?! — простионала она, потирая рукой лицо, налившееся кровью от удара. — Мне же больно! — уже совсем тихо сказала она, и на её глазках выступили хрустальные капельки слёз. Мать, пытаясь разрядить накалившуюся обстановку, назидательно проговорила:

— Доча, не выводи папу из себя, просто пойдём с нами в церковь, и всё. — После этих слов Лиза почему-то вдруг неожиданно для себя самой почувствовала прилив сил, она выпрямилась, убрала руку от лица, на котором уже выступил достаточно большой синяк, и смело заявила:

— Я не признаю церковь. Это пристанище лоснящихся жиром попов, увешанных золотом — воплощения зла на земле, — Лиза почувствовала себя Жанной д'Арк, привязанной к столбу и сгорающей в адском пламени непонимания. — Церковь насилует наши умы, эксплуатирует наш естественный страх перед смертью и ущербность нашего сознания, не позволяя при этом расширять его рамки. Толпы оболваненных, несчастных людей тащат последнюю копейку на живот попам и архимандритам. А что же церковь даёт нам взамен? Прощение грехов? Право на жизнь? А какое она имеет право прощать грехи и распоряжаться чьей-то жизнью?

— Замолчи! — вскипел отец, глаза его налились кровью от злости. Злость — стандартная реакция глупца на непонимание. — Замолчи! Или я опять тебя ударю!

— Я не буду молчать, — смело сказала Лиза, её голос больше не дрожал. Он был ровным и уверенным. — Я не боюсь тебя, я вообще никого и ничего не боюсь, я познала истинного бога. Любовь, добро, мир, счастье.

— Но ты же носишь крестик на шее, Лиза, значит ты христианка, — вмешалась в разговор мать. Лиза посмотрела ей прямо в глаза:

— Да, ну и что? Это всего лишь символизм. С тем же успехом я могла носить пентаграмму, главное не символ, главное — что он для тебя значит. И вообще, христианство давно дискредитировало себя, в наш век высоких технологий оно не вписывается, оставаясь примитивной религией, корнями уходящее в язычество.

— Не богохульствуй! — взбесился отец. — Мы не язычники, мы христиане!!!

— Да, — утвердительно произнесла Лиза, — но если разобраться, то в чём разница между язычеством и христианством. В язычестве был верховный бог и множество суббогов, отвечающих каждый за определённую сферу деятельности человека. И что же мы видим в христианстве? Практически то же самое. Если раньше, отправляясь на рыбалку, человек молился Нептуну или Посейдону, то теперь он молится Святому Петру — Покровителю моряков. А все эти празднества и обряды с песнопениями, расшитыми золотом костюмами, используемые лишь с одной целью: произвести впечатление на скудный мозг обывателя. И тем самым завлечь его в церковь. Это всё то же самое язычество, только более закреплённое и задержанное. Святые мощи как божественные артефакты, попы как жрецы совершают

жертвоприношения, а их жертвы — это сознания людей, которые они закрепощают, не позволяя инакомыслие.

— Ах ты, сука!!! — взревел отец, и его рука снова и снова стала опускаться на нежное белое лицо Лизы, постепенно перекрашивая его в красный цвет. Сначала Лиза взмолилась, просила пощадить её:

— Папа! Папа! — кричала она, — Не надо, папа! Пожалуйста! — взывала она к отцу, но потом, поняв неизбежность происходящего, уже про себя произнесла: «Иссид, спасибо тебе за дар твой!»

*Бедная Лиза шагнула с карниза,
Упала на землю и больше не дышит.
Зеваки собрались, а Лиза не слышит,
Душа воспарила, ничто не болит,
Спасибо тебе за дар твой, Иссид.*

Будильник зазвонил ровно в девять. Выслушав его утреннюю трель, я открыл глаза и вслух сказал: «Ну, вот и настал мой день D», потом я начал размышлять о том, как лучше мне заявить последователям о том, что никакого Иссида нет, что я его придумал. Хотелось найти такие слова, чтобы после их произнесения напрочь разрушить всё то, во что они верили. С момента посвящения прошёл ровно месяц, за это время в квартире у Васи я был всего четыре раза, и то, приезжал туда только для того, чтобы забрать Лизу. Когда я приходил, все присутствующие относились ко мне с большим почтением, пытались задавать вопросы по поводу нашей веры, но я всё время уходил от ответа, говоря, что у меня много дел. Я рассказывал им небылицу о том, как я по интернету связался с другими городами, и что теперь и в них есть последователи Иссида. Я говорил им, что в целях конспирации, ввиду гонений на нашу веру со стороны церкви, я не могу назвать им города и имена последователей. Они всё это слушали и верили мне. А я не испытывал ни капельки сочувствия по отношению к ним, да и зачем им было сочувствовать? Они были счастливы, жили все вместе. В одной квартире. Как ни странно, Вася занимал среди них главенствующее положение и считался вторым после меня человеком в иерархии нашей веры. Последователи заужавали его, проникнувшись его бредовыми идеями, которых у него накопилось уже довольно много, он даже всерьёз подумывал издать книгу под названием «Иссид с нами».

Помню, как-то я зашёл за Лизой. Мне открыл дверь Вася, учтиво пригласил в квартиру, начал задавать вопросы по поводу моей деятельности. Я опять навешал ему лапши на уши: дескать, я с головой погружён в работу, занимаюсь составлением книги об обретении истинного бога, так сказать, пособия для начинающих. Вася даже осмелился порекомендовать мне название для моей книги — «Слово об Иссиде». Я сказал, что подумаю, хотя на самом деле последние две недели я не мог думать ни о чём, кроме Лизы. Я констатировал для себя тот факт, что влюблён, влюблён страстно, до безумия. Я засыпал и просыпался с образом Лизы, выдел её повсюду, а когда мы встречались, я не мог упоиться ею. Мне кажется, и она любила меня, а как

же иначе, она постоянно мне об этом говорила. Хотя в последнее время я стал её ревновать, к кому бы вы думали? К Иссиду. Да, именно к Иссиду. Она постоянно о нём говорила, о том, что каждый день с ним для неё открываются новые горизонты познания, что она живёт только им, и только вера в него даёт ей силы для преодоления всех жизненных невзгод. Представляете, каково было мне всё это слушать? Слушать о том, что не ты для неё единственный и неповторимый, дающий ей силы и вдохновение, а Иссид — какая-то нелепая фикция, выдуманная мной же самим, становилась для неё дороже меня. Из-за этого Иссида я мог с нею видеться раз в неделю, потому что в другие дни она вместе со всеми последователями занималась всякими там медитациями, беседами с новыми людьми об Иссиде и прочей дребеденью. Иными словами, шесть дней в неделю она отдавала Иссиду, и лишь один — мне. Самое отвратительное и неприятное для меня было то, что со временем я становился к ней всё ближе, а она, наоборот, отстранялась от меня, с головой уходя в религию.

И вот я стою рядом с Васей, всячески показывая ему, что он мне не интересен, и я приехал сюда не затем, чтобы выслушивать его религиозное фуфло, а затем, чтобы повидать любимую. А он делает вид, что вовсе не замечает, что я его пытаюсь игнорировать, начинает мне рассказывать о том, что он уже подготовил тридцать человек к тому, чтобы посвятить их в последователи Иссида, и всячески пытался выудить из меня информацию, когда я смогу осуществить обряд посвящения. Я опять начал безбожно врать, мол, нельзя так часто тревожить материю вселенского разума, надо немного подождать, когда мне будет знаменье. И Вася всему этому верил, поддакивал мне, произнося: «Да, старший брат», «Я всё понимаю, старший брат», «Нам нет нужды торопиться, старший брат».

Если честно, меня от него тошнило, своим покорством и преклонением предо мной он вводил меня в состояние бешенства. Мне так и представлялось, как я бью по этой бледной физиономии своими кулаками, затем Вася падает на пол, харкается кровью, а я бью его ногами. Но вот мне навстречу выходит моя Лизонька, и агрессия вмиг испаряется из моей души. Теперь мне хочется расцеловать всех окружающих и даже Васю. Лиза кидается в мои объятия, и мы уходим с ней из этой ненавистной мне глупой квартиры.

Ещё немного я подбирал подходящие фразы, потом решил, что всё должно случиться спонтанно. Я встал и направился было в ванную, как вдруг зазвонил телефон. Его звонок оказался для меня набатом. Я подошёл к телефону, дождался третьего звонка. Надо сказать, что я всегда снимаю телефон после третьего звонка. Это одна из моих дурацких привычек, взявшихся неизвестно откуда. Вот прозвенел третий, и я поднял трубку, сказав рефлексивно: «Аллё». Голос в трубке был размеренно спокойным:

— Старший брат, это ты? — произнёс голос. Я его узнал — это был Вася.

— Да, — ответил я.

И тут он произнёс мне слова, которые я никогда не смогу забыть, особенно не смогу забыть этот сухой, бесчувственный тон, с которым были

произнесены эти слова. Всего четыре слова и гудки. Проклятых четыре слова, которые вмиг разрушили во мне всё, во что я верил и пытался верить, весь мой внутренний мир потрескался, как стекло, раскололся на мелкие кусочки и осыпался в небытие. Внутри меня образовалась абсолютная пустота, не было ничего, кроме этих, светившихся неоном, четырёх слов: «Приезжай быстрее. Лиза умерла». Когда я лежал в постели и подбирал нужные слова для того, чтобы вмиг разрушить внутренний мир последователей, убить в них всё, во что они верили, я так ничего толком и не придумал, а Вася нашёл, придумал эти слова, которыми в мгновение ока смял и бросил в мусорную корзину всё моё существо.

Я смутно помню отрезок жизни между звонком по телефону и звонком в тридцать третью квартиру. Разрушился не только мой внутренний мир, но и внешний, всё вокруг меня стало смазанным, приобрело расплывчатые очертания. Я не замечал ни людей, ни машин, видел лишь раскатанные рулоны асфальтовых дорог, огромные остовы многоэтажек надо мной.

Дверь мне открыл Вася, он перешагнул через порог и оторвал мой палец от кнопки звонка, затем положил мне на плечо руку и провёл в комнату. Я подошёл к окну, тупо уставился на огромное серое пятно неба и, с трудом сдерживая слёзы, сказал:

— Она действительно умерла? — глупая никчёмная надежда металась в замкнутом пространстве зажатого болью сознания.

— Да, — совершенно безэмоционально произнёс Вася, как будто я ему задал вопрос вроде: «А в магазине действительно не было апельсинового сока?». Пустота внутри меня стала заполняться священной злобой. Я повернулся лицом к Васе и, сжав зубы, проговорил:

— Как это случилось, как она умерла?

— Это её отец, — ответил он, — забил её до смерти, дома, прямо на глазах матери, конфликт на религиозной почве. Эти христиане всегда решали проблемы религии силовыми методами, — складывалось такое впечатление, что Вася пересказывал мне содержание вчерашней серии мыльной оперы, ни один мускул на его лице не дрогнул, глаза не выражали не то что сочувствие, они не выражали ничего, пустой взгляд в бесконечность, проходящий сквозь меня и жалящий меня в самое сердце.

Не желая верить в услышанное, я подошёл к Васе, схватил его за грудки:

— Он действительно её убил?! Ты, ты это сам лично видел, ты видел её тело?

— Да, старший брат, — смиренно ответил Вася, — Иссид возлюбил её и даровал смерть.

После этих слов я схватился за голову, сжав её, что было сил, и прокричал:

— Идиот! Какой же я идиот! Кто же думал, что это всё так далеко зайдёт! Я хотел убить бога, а убил человека. Убил любовь. Я убил единственное, во что я действительно верил.

В комнату вошли все последователи и встали за Васей, а он подошёл ко мне и положил руку мне на плечо:

— Почему ты так говоришь, старший брат?

Я был в бешенстве, злость разрывала меня на части, она уже полностью овладела мною и рвалась наружу:

— Да потому, что вы — жалкая кучка ничтожных, легковнушаемых баранов! Тупоголовые кретины в розовых очках!

— О, что ты, брат, не говори так, агрессия порождает неверие, так ты можешь потерять Иссида! — стоящие позади Васи обступили меня кругом, я оглядел их всех, заглянул в глаза каждому. Я стоял у черты и смотрел в лица этих ублюдков. И что я видел в них? Своё отражение.

— Потерять?! Вы, убогие тупицы, нельзя потерять то, чего не существует. Никакого Иссида нет, это я, слышите, я выдумал его только с одной целью — чтобы убить его!

Вася сложил ладони вместе. Его остекленелый взгляд всё больше жёг меня.

— Твоим разумом овладело зло, — мягким голосом произнёс Вася. Он обвёл рукой всех последователей. — Мы не позволим тебе убить нашего бога.

Все хором сказали:

— Не позволим! — и теперь уже не один, а десять взглядов жгли меня

— Какого бога?! О каком боге вы говорите?!

— Иссида... — сказал Вася, и все подхватили его слова, — Иссида, Иссида являюще...

Я не дал им договорить:

— Хватит, слышал уже, это я придумал эти слова, я придумал этот идиотский обряд. Вы верите ни во что, в пустое место.

Вася был абсолютно невозмутим:

— Ты не прав, старший брат, Иссид с нами, он в нас, мы в нём.

Я снова оглядел их всех.

— Нет, — удивился я, — вы точно непроходимые тупицы! Религиозные фанатики! Я вам прямо заявляю: никакого Иссида нет и никогда не было!!!

Навстречу мне выступила Лена:

— Мы все переживаем из-за смерти нашей сестры, старший брат, успокойся, это слепая злоба говорит в тебе, — она хотела меня обнять, но я оттолкнул её от себя.

— Слепая злоба? Это вы слепцы. Слепые котята, брошенные в религиозный мешок, тупо ждущие, когда хозяин опустит вас на дно реки мироздания. Скопище убогих, никому не нужных отбросов общества. Как вы можете верить в бредни зарвавшегося мальчишки, вообразившего себя убийцей богов. Отрекитесь, потеряйте бога, дайте мне закончить начатое, отдайте мне моего бога!

Вася продолжал невозмутимо смиренно отвечать на мои призывы:

— Он теперь наш! И мы не позволим никому убить его. Наша вера дарует ему жизнь, а он взамен являет нам нашу.

— Правильно, Вася, вашу, именно вашу, это ваша и только ваша жизнь, и никто вам её не дарил, кроме мамы с папой. Она ваша, и вы не должны какому-то там, мать его, Иссиду, позволять отбирать её у вас...

Васин остекленелый взгляд после моих слов резко изменился, в нём появилась конкретная, ярко выраженная, агрессия. Он подскочил ко мне и достаточно сильно ударил меня прямо в нос. От неожиданности я даже не успел среагировать, поставить блок или перехватить его руку. Я и не мог представить себе, что этот в недавнем прошлом робкий до безобразия юнец, с бледной кожей, почитавший меня пророком Иссида, поднимет на меня руку. И что его тщедушная ручонка сможет сбить меня, выдавшего виды здорового парня. И вот я стою перед ним на коленях, и из моего сломанного носа ручьём течёт кровь. Я был обескуражен, впал в оцепенение, судорожно хватал воздух, пытаясь сказать ему. Наконец слова прозвучали:

— Ты на кого руку поднял, на старшего брата?! — хрипя от злости, взревел я. И, резко вскочив, со всей силы ударил ему в лицо. Вася упал, схватившись за рассечённую бровь, из которой начала сочиться кровь. Я много раз обыгрывал эту ситуацию у себя в голове и поэтому действовал по заранее утверждённому сценарию. Подлетев к нему, я начал бить его тоненькое тело ногами.

— Получи, урод! — кричал я и бил, не разбирая удары. Они приходились по всем участкам его худенького белёсого тела.

Я перестал бить Васю и стоял над ним, тяжело дыша. Он перекатился с живота на спину. Лицо его было полностью разбито, на нём не осталось ни одного нетронутого места. Он широко открыл глаза и, откашливаясь кровью, сказал:

— О Иссид, неужели ты хочешь подарить мне смерть? Я недостойн её. Я ещё не познал всей твоей сути. Подари лучше смерть моему старшему брату.

Взгляд его скользнул с моего лица за моё плечо. Безумный страх вспыхнул во мне, и я как бы увидел, в голове моей вырисовывалось то, что происходило в этот момент за моей спиной. Я увидел, как Дима достал из халата нож. Я всё это видел как в кино, в замедленной съёмке. Как он подходит ко мне. И его лицо не выражает ни жалости, ни злости по отношению ко мне. И вот он отводит руку с зажатым в ней ножом, делает взмах, и следующее, что я вижу — это красный кончик ножа, торчащий у меня из груди. Я повернулся лицом к Диме, он был абсолютно холоднокровен.

— Идиот, идиот, ты же убил меня...

— Это не я, — монотонно ответил он, — это Иссид даровал тебе смерть. Вася встал на ноги, а я рухнул на пол. Он склонился надо мной и сказал:

— Ты должен быть благодарен Иссиду за его дар. Он выбрал тебя потому, что ты смог постичь суть Иссида. Ты избранный. Пока мы пребываем на земле в тесной оболочке на земле, погрязшей в грехах, мы будем почитать тебя как святого, Старший брат! — с такими словами он закрыл мне ладонью глаза.

— Любовь, добро, мир, счастье. Прими его душу, Иссид.

Иссид, являющий жизнь — Иссид, дарующий смерть.

Дрвирца

Александровский сад

Опустели царские аллеи,
Неподвижно зеркало пруда,
Меж деревьев становится светлее.
Пусть меня никто не звал сюда,

Мне по нраву осени репризы
И пространный ветра монолог.
Это всё похоже на эскизы,
Сумасшедшей кисти кувырок:

Увлечённый странным приключеньем,
Звукоцвет, застывший наяву,
Видит собственное отраженье
И пускает шелеста молву.

А в далёких старых анфиладах
Неспокойно сердце, и туда
За большую самую награду
Не пойду я точно никогда.

— В помещеньях тихое свеченье,
Коридорно-зальный странный сон.
Среди бела дня как приведенья
— В окнах тени царственных персон.

Опустели царские аллеи,
Неподвижно зеркало пруда,
Меж деревьев становится светлее...
И меня никто не звал сюда.

Болота безмолвия

Безмятежность. Никакого дефолта, никакой «великой депрессии». — Это все шоковые состояния. Шок в сегодняшней России невозможен, зато существуют десятки телеканалов, сотни радиостанций. Конечно, за всей этой массовостью никакого разнообразия. Государственные журналисты рассказывают населению своей страны о том, что очень скоро «будет легче» и, в целом, «процесс пошёл». Частные СМИ население развлекают. «Новости на первом» — и аляповатые смехопанорамы доморощенных «креативщиков» на всех остальных. Третьего не дано. Ничего, этот народ без «третьего» как-нибудь обойдётся. Вернее, уже обходится. Как? — Вспоминает свою древнейшую мантру — «бывало и хуже». Прицепом за ней, другую — «проживём как-нибудь». Каждое утро, когда огромное солнце встаёт над плоскими крышами бетонных домов, эти фразы звучат в толпах, организованно спешащих на грошовую работу.

Вчерашние выражения царят и сегодня. Например, «государственные реформы». Пятнадцать лет от Охотского до Балтийского моря летают эти «крылатые качели»: вперёд — назад, назад — вперёд. Вы когда-нибудь спрашивали у ребёнка на качелях, каков результат его действий? — Нет? Чего же вы хотите от наших управленцев? Сейчас только в разваливающихся богательнях обсасывают проблемы «бюджетной сферы».

Индексация зарплат и пенсий?

Сцена 1: Вокзал. Мелкий дождь, слякоть. Заваленная строительным хламом платформа. Толпа в ожидании поезда. Беденько одетый мужик бормочет своему приятелю: «При Ельцине жилось ещё хуже, и ничего... Прорвёмся как-нибудь».

Президент отменил губернаторские выборы?

Сцена 2: Гостиница. Люксовый номер. Тёплые ковры, большие мягкие кресла. На столе тихо работает диктофон. Генерал ФСБ в отставке, а теперь директор Российского фонда свободных выборов размеренно произносит: «Наш народ не умеет распоряжаться своими правами, поэтому и вынужден частично лишаться свободы. А ведь практика подтвердила, что предвыборные кампании в нашей стране — сплошные манипуляции массовым сознанием. Пока люди не научатся понимать это и думать самостоятельно, право голоса им не вернут».

— Вряд ли мужикам с железнодорожной платформы, прочти они это где-нибудь, были бы интересны слова отставного генерала. Заботы вчерашнего «электората» не связаны с правом на выбор.

Солнце встаёт над плоскими крышами бетонных домов. Солнце разочарованно глядит на обледенелые тротуары и дороги. Солнце спотыкается о перевернутые мусорные баки, около которых крутятся бездомные животные и люди. Солнце смотрит в мои заспанные глаза и спрашивает: «Что ты видишь?»

— Твою дорогу по моей земле, от самого Охотского моря, — отвечаю я.

— А что на этой дороге?

— Безмятежные болота. Болота русского безмолвия.

Визитёр

Сумрачно. Я один. Выше этажом играют на баяне (поминки). Захожу на кухню: приборано. Смотрю в окно: через двор бежит сумасшедший.

*

Раздаётся дверной звонок. Выхожу в коридор. «Глазок» замурован. Некоторые визитёры дожидаются, когда хозяин прильнёт к стёклышку, посмотреть, кто пришёл, потом приставляют туда пистолет и совершают выстрел (местная традиция). Прислушиваюсь: пока тихо. Проходит несколько секунд. Опять звонок.

— Кто там? — спрашиваю я.

— Ты, — отвечает голос за дверью.

— Кто-кто?!

— Ты-ты, — усмехается он.

— Ты идиот?! — сержусь я.

— Ну, тебе же не делали таких «комплиментов»?

— Нет, — отвечаю я.

— Ну вот, зачем тогда спрашиваешь?!

— Слушай, может, ты дверью ошибся?!

— Лучше спроси об этом себя.

— Придурок, я нахожусь дома!

— Действительно, хотя это единственное различие между нами. Кстати, я никогда не ошибаюсь.

— Это ещё почему?

— Потому что я — это ты.

— Так чего же ты там, а не здесь?!

— Ну, это ещё как посмотреть... Вообще-то к тебе у меня был тот же вопрос.

— Лучше не спрашивай!

— Ну так открой. Я замёрз как собака.

— Странно, я тоже. Ладно, заходи.

*

Сумрачно. Нас двое. Выше этажом дерутся (поминки). На кухне бардак. Оба молча смотрим в окно: через двор бегут сумасшедшие.

Власть — это грязь!

Купель революции — грязь подворотен,
И песни в руинах когда-то прекрасных домов.
Мы дети её, и здесь каждый свободен
Быть полностью против диктата фашистских жлобов.

Власть — это грязь,
И не говорите мне, что это не так.
Власть — это грязь,
И всё, что у неё есть для нас — это крепкий кулак.

Банданы на лицах, никто не стыдится,
Да просто безликие взгляды страшнее стрелять.
Откормленным гидам сегодня не спится.
Что власть — это улицы, мы им поможем понять.

В неоновом свете мажорской витрины
Под лозунг: «Ребята, всё это — уже не для нас!» —
Идут гренадёры камней и бензина,
Вдали догорает разбитый ментовский «УАЗ».

Власть — это грязь,
И не говорите мне, что это не так.
Власть — это грязь,
И всё, что у неё есть для нас — это крепкий кулак.

Власть — это грязь!
Власть — это грязь!
Власть — это грязь!
Власть — это грязь!

Во мне

Не целуйте друг друга, добра не желайте,
Обходите друзей стороной.
Если выпало что-то, скорее хватайте
И бегите дорогой иной.

Энергетику речи и ритмику прозы
Отрабатывать лучше во сне,
А эмоции ваши — лишь сопли да слёзы.
— Всё моё остаётся во мне!

Вороны

Огромные дикие вороны
Садятся на зелень поляны.
Их острые когти — как бороны,
А чёрные перья — сутаны.

Широкая плоскость усеяна
Телами в истлевших мундирах.
Их память в руинах развеяна,
Их знаки малюют в сортирах.

Природа суммирует стороны
В количество тухлого мяса.
Я точно такой же, как вороны.
Прикрой меня, чёрная ряса.

Мы стали небесными судьями,
И стая, как Орден духовный,
Кружится над новыми стружьями,
Приказ исполняя верховный.

Veni, vidi, vici —
Пришёл, увидел, победил.
А из трупов птицы
Тянут ленты жил

И орут отовсюду:
«Вонючая кровь и гнойная твердь!»
И орут отовсюду:
«Карр-тонная жизнь! Карр-тинная смерть!»

Огромные дикие вороны
Садятся на зелень поляны.
Их острые когти — как бороны,
А чёрные перья — сутаны.

Veni, vidi, vici —
Пришёл, увидел, победил.
А из трупов птицы
Тянут ленты жил

И орут отовсюду:
«Вонючая кровь и гнойная твердь!»
И орут отовсюду:
«Карр-тонная жизнь! Карр-тинная смерть!»

Голоса обелисков

Дети выпрыгивали из автобуса, как цветные мячики. Серебря старые листья в охапки, они бросались ими друг в друга и визжали, как весёлые поросята. Было пасмурно. Стройная молодая учительница, терпеливо поджав красные губы, собирала первоклашек вокруг себя. Когда последний сорванец был пойман за капюшон, она объяснила им, что здесь похоронены гвардейцы-освободители, некоторые из которых погибли «совсем юными», и всё это было «ради жизни на земле»... Кто-то перебил: «А много их умерло?» Она назвала цифру... Таких чисел они ещё не проходили. Потом учительница прибавила, что, скорее всего, «погибло ещё больше», ведь «тела многих не найдены до сих пор». Со всех сторон посыпалось щебечущее «почему», но в ответ девушка только пожимала худенькими плечиками.

*

Лёва, золотоголовый вихрастый мальчик, ничего не слушал. Он только смотрел вокруг. Место было похоже на пусковую площадку ракеты и на жертвенник древних людей одновременно. Здесь даже горел костёр. Пацаны из класса говорили, что это «вечный огонь», который никогда не гаснет. Ещё была высоченная колонна, плиты с фамилиями и чинами, иногда даже очень высокими. Лёва разбирался. Дома, если он не слушался родителей, папа «вместо ремня» каждый раз объяснял про субординацию. А тут на плитах почти все звания были. Притихшие дети возложили к памятнику тоненькие гвоздички, и учительница сказала, что теперь можно немного погулять. А Лёва так и ходил со своим цветком, читая по слогам незнакомые фамилии.

— Эй, хлопец, а ну марш отсюда, — донеслось откуда-то слева. Лёва огляделся: одноклассники, учительница и больше никого.

— Кому говорят, уматывай! Вишь, огонь-то какой?! — прикрикнул всё тот же голос.

— Дядя, а вы где? — испуганно прошептал мальчик.

— В Караганде! Ложись, щегол, и ползи ко мне.

Ноги у первачка потяжелели. Он снова огляделся и вдруг поднялся вокруг настоящий гвалт таких голосов. А его одноклассники ходили среди них, будто глухие, и ничего не замечали. Он понял: голоса эти родом снизу, изпод холодных плит. Ещё крепче прежнего вцепившись в стебелёк гвоздики, Лёва ходил между ними и, затаив дыхание, слушал.

— Пригнись! — гаркнул ближайший голос. Лёва медленно присел к плите.

— Видишь, там, у бастиона, подбитая «пантера»? За ней плащ-палатка, на ней краюшка хлеба. Принеси мне её. Сейчас на новый рубеж пойдём, а там... Поесть не успею.

Лёва огляделся: никакого бастиона рядом. Он выбежал на дорогу и увидел приземистую крепость, мимо которой, как ни в чём не бывало, стремительными потоками летели машины.

— Лев! Сейчас же уйди с дороги! — завопила учительница. Он вернулся к обелиску. Там стоял страшный шум, и по-прежнему никто этого не замечал.

Дети бегали между надгробий, носились вокруг скамеек, а под их ногами кричали люди: «Патроны, патроны давай!.. Братцы, меня ранило, помогите!.. Прямо в живот! Не могу больше, помогите!..» Мальчик заткнул уши и стоял так, пока заметившие это ребята не окружили его.

— Да это я так, пацаны. Просто игра.

Через несколько минут все уже забыли об этом. Лев больше не слышал голосов снизу. Он подумал, что это было из-за перенагрузок в школе, о которых вчера рассказывали по телеку. Ярко жёлтый школьный автобус вёз весёлых детей по городу. На площадях гуляли толпы красиво одетых людей, всюду играла музыка, ветер махал флагами.

Когда дети вошли в парк, там было тихо. Старые деревья, зелёные газоны, белые кресты, плиты с именами на каком-то чужом языке — и больше ничего. Учительница долго водила класс по аккуратным дорожкам между выстриженных полянок. Она рассказывала им о народе, который обманули, а потом заставили начать огромную войну. Первоклашки устало семенили следом за ней. Птичий скрежет их коротких шагов увязал в плотном воздухе тенистых роц. Сюда не проникали шумные городские ветры. Солнце беззвучно выжигало салатные следы на траве. Вдруг, пучок лучей выхватил из полумрака несколько музыкальных инструментов. Ярче всего сверкали тарелки и огромная труба. Лёва плёлся в самом хвосте экскурсии, и сначала никто не заметил, как он исчез. Мальчик схватил золотистые тарелки. Тишина окружала его, лезла в уши, кололась о нежную кожу. Больше терпеть нельзя. Он забирался на какой-то холм, который венчают три самых больших креста, оглядывается: слева, справа, спереди его обступает безмолвный парк, сзади огромное поле упирается в стену, за которой другая, ещё более высокая, с колючей проволокой и сторожевыми вышками. Мальчик широко разводит руками и бьёт тарелками друг о друга. Медный звон рвёт воздух. Миллионы бликов выстреливают по чёрным стволам, по пустынным лужайкам, по лицам изумлённых детей.

Сонный парк наполняется щебечущим смехом.

— Положи их на место! — кричит кто-то. — Ещё не время!

Со стороны стены к холму бежит военный. Он машет руками: «Не время ещё! Не время!»

Живое

Куда уходят муравьи
Своей дорогою лесною?
О чём горюют соловьи?
Чего так хочется прибою?

Зачем ты, ниточка дождя,
Струишься прямо мне за ворот?
Зачем, немного погоды,
Ты удаляешься за город?

И выбегают муравьи,
На шум прибоя по тропинке
Смеются в дюнах соловьи,
А с ними в радуге дождевки.

Мальш, в округе все свои!
А море, небо-то какое!
Ты это только сбереги!
Оно — как ты, оно — живое!

Купи пистолет!

Времени нет и нет расстоянья,
— Хором поют миллиарды миров.
От сотворения до созиданья
— Степь искушений Дорогой ветров.

Грохот и смех в колоннах парада,
Где маршируют, ища свой приют.
Орды планет в огне звездопада
Ночью над крышей твоею пройдут.
Горы афиш — в ряду индугенций,
Втоптаны в почву жестоким дождём.
Крыса «хрущёвок», кот резиденций
Вышли на улицы, мы — не пойдём.
Жертвуйте все свои состоянья:
В небо — молельни, об пол — голова!
— Вместо прощений будут прощанья,
Если Господь засучит рукава.
И под прямым огнём впечатлений
В час, когда Небо объявит нам бой,
Гордо пройди по иглам сомнений,
И постарайся остаться собой.

Всё, что мы чувствуем, нам только кажется;
Истина — Старый и Новый Завет.
— Если слова эти вместе не свяжутся,
Слопай перо и купи пистолет!

Лемур и долгопят

И лемур, и долгопят;
Все в одной кровати спят:
Снится им фруктовый сад,
Снятся манго, виноград,

Где заброшены дворцы,
Там брахманы-мудрецы
Сотни лет уже подряд
В позе лотоса сидят...

А лемур и долгопят
Тихо, сладенько сопят.
Пряча пяточки под мех,
Дремлет с ними детский смех.

Маленькая женщина

Жила-была в старинном городе маленькая женщина. Такая маленькая, что её никто не видел, поэтому больше ничего о ней сообщить мы не можем.

М. М.

Сценография проста:
Люди плачут у креста.
Там, в гробу лежит Россия.
Всё. Уходят молодые,
Чтобы жили старики,
Пряча в книгах пятаки.

Молчание о ней

Вам не удастся скрыть глаза за мягкой чёлкой,
Всё с полувзгляда буду понимать.
Тогда поймёте, нет в молчанье вашем толка,
Но всё-таки продолжите молчать.

С моей патологической страстью к слову
И вашим нежеланьем говорить
Я уничтожу наш язык, но не создам другого,
Оставляю лишь глагол один — «любить».

Чтоб мы не тратили напрасно время жизни
На телефонной исповеди бред,
Чтоб дилижансы не ползли, как будто слизи,
Когда в одном из них я вёз вам плед.

Да, так или иначе, нынче всюду речи
И праздничная круговерть огней.
Сеансы тишины меня уже не лечат,
Но я молчу и думаю о ней.

Ничто

Ничто не вечно, кроме тишины.
Мы тишиной заражены.
И лишены любого смысла
Эмблемы, знаки, буквы, числа.
На карте мира нет страны,
Где не слышали тишины.

Ничто не вечно, кроме пустоты,
Лишь зеркала с тобой «на ты».
Секунда длится дольше года,
И нет числа, лица и рода,
А неприступные мосты
Ведут на лоно пустоты.

Ничто не вечно, кроме темноты:
Повсюду чёрные зонты.
По неприятельской Вселенной
Идёт мой голос, будто пленный,
И голос этот слышишь ты.

.....

Оттиск неба

Сотни тысяч лет на полночных кухнях
Между рок-н-роллом и галлонами пива
Зреет мысль одна в гениальных дурнях:
Жили, как скоты, а умрём красиво!

С ними был и я, горевал на радость,
Те же песни пел, ту же думу думал.
Нынче лишь во сне будет эта сладость.
Вот идёт любовь мягким шагом пумы.

Все мы носим отпечатки
Одиночества на лицах,
Оттиск неба на дне сетчатки,
Поиск правды в слепых глазницах.

На ножах Кавказ, под Москвой пожары,
Баренцево море могилой стало.
Надвое война разделяет пары.
В судороге мозга чьё шевелится жало?

Я сижу на крыше, ртом глотаю ветер.
Парень снизу прибыл, с ним не встретится кто-то.
Там, где стая антенн заплетала в сети,
К дому не отпустит это небо пилота.

Все мы носим отпечатки
Одиночества на лицах,
Оттиск неба на дне сетчатки,
Поиск правды в слепых глазницах.

Парад планет

— *Времени нет и нет расстоянья, —*
Хором поют миллиарды миров.
— *От сотворения до созиданья*
Степь Искушенья Дорогой Ветров.

1

Во вселенных твоих светозарных очей
Отражался огнём, ни пролив, ни ручей...
Так, волнуясь, дыханье вздымало грудь:
С того края вниманья был Млечный Путь.
Обнимая тебя, всё искал я ответ:
Что же нам на двоих наколдует Тибет?!
— Так Урал нарычал, настрелял Кавказ,
Эти звёзды с утра передавят нас!

2

К телескопу припал опшарашенный блик:
Сто погибших планет — сто пророческих книг.
— Время, где ты? Секунды твои — на счёт,
Звездопад миллион хиросим несёт.
Вакханалия света и мрак навсегда.
— Так в плену ледников пропадут города.
Уподобимся мы... паукам под стать,
В кислоте жрать личинок, слюну пускать...

3

Страны серых пустынь, континенты степей,
Море мёртвых глубин, зубы горных цепей.
Пополам с грызунами, топча любовь,
Нашим детям делить свой подземный кров.
— Вьюга, пепельной сетью убей берега,
Пролетая над реками лавы снега!..
Лишь одно согревает меня сейчас,
Что последнее шоу пройдёт без нас!

Первоначальник
(финальная часть)

Эй ты, кто дал тебе право
Считать себя равным Ему?
Не будучи равным, ты мог бы встать наравне,
Чтобы задать Богу смелый вопрос.
Ведь если Он убивает детей
И солдат, не успевших нажать на курок,
То это надолго, и это всерьёз.

Но всё прозвучавшее тут — лишь начало пути,
Пути к настоящей любви.

И вот снова ты приходишь,
Вспоминая лишь права.
Вместо правды ты находишь
Оправдания слова.

Как же мне всё так же верить,
Бескорыстно и любя?
Боже, дай мне сил не мерить,
Сколько силы у тебя!

* * *

По белому свету
Метёт позёмка.
— Ты видишь планету
В руках ребёнка?!

Поле

Душно летом в бетонном высотном чулане,
Где пойман сервизами луч.
Ты оставил войну догорать на экране
И запер квартиру на ключ.

Лишь в подъезде раздастся гулкое эхо,
Но стены на слух там туги.
А в асфальтовом грунте любая прореха
Запомнит такие шаги.

Стебли, будто клинки,
Режут звук на куски.
Поле морщит щетинистый лик.
У болот кулики
Ждут могучей руки,
И хохочет Ярило-старик.

Последнее сомнение Христа

Игрою взлёта и паденья
Напишут книги обо мне.
К чему словам отображенье,
Отображенье на письме?!

Нет, писари не виноваты,
За них другими решено:
«История — товар богатый,
Торговля — это не грешно».

И за моей спиной скрипело
Нетерпеливое перо.
Как Люцифер порой умело
Словами искажал добро!

Топорщились определения
Неоспоримыми тире.
Псалмы вели на построенья
Шеренги, цепи и каре.

Дороги кормятся ногами,
Идея эта не нова.
У человечества врагами
Являются его слова!

Прусское время

На севере, юге, востоке и западе от города среди хмурых перелесков лежат странные пустоши. Серая, высохшая ещё до прихода сюда нашего народа трава примята даже в тех местах, куда не ходит никто.

Дистанции ярких эпох скручены в жёсткие тросы, бессмысленно свисающие с потолка галереи старинного форта. Крики, шёпот, смех и плач ушедшей цивилизации трепещутся на ветру между ниток безмолвных паутин. — Вам не нарушить их покой. Не бойтесь громко разговаривать или смеяться в языческом лесу. Покой древних голосов охраняет немая гвардия огромных лесных пауков. Они не умеют предавать, потому что живут недолго.

Там, за кольцевой дорогой, опоясывающей пятисоттысячное селище современных людей, в неопознанных нами руинах прячется потерянное время Пруссии.

Я искал его и среди пригородных урочищ, и западнее, у песчаных берегов обледенелого моря. Исходил километры заброшенных долин, полз по ржавым лестницам древних башен куда-то вверх, потом спускался вниз, просил прощения у задумчивых валунов, кричал злему скандинавскому ветру русские проклятия и песни.

— Ничего не помогло. Прусское время опять ускользнуло.

Реинкарнация

1

Каждое утро
на Чёртовом пляже
Скалы базальта
рождают зарю.
Каждое утро
на Чёртовом пляже
Прошлой эпохе
себя я дарю.

— Встань у обрыва
и вспомни: когда ты
Имя своё
забывал позади?!.
Тело — тяжёлые
мятые латы,
Съёжился голос
в кирасе груди!

2

В жаркое утро
на чёртовом пляже
Сто птеродактилей,
крылья — к спине.
— Юрское время,
ну, кто из нас старше?!
Без человека
Земля — в полусне.

Время теперь
у тебя субъективно
(«Право на лево»
у Времени есть).
Мышцы работают
так импульсивно!
Новому ящеру
некуда сесть.

Все эти гады
 курлычут по-птичьи.
— Ты говорил им
 людские слова:
Ты просил места,
 они безразличьем
Мерили всё,
 в том числе и права.

И улететь уже
 не было силы.
Юрское солнце
 тонуло на дне.
Крылья волочатся,
 ищешь могилы,
Чтобы опять
 возвратиться ко мне.

Руконоги

Стопа, упирая в ступени
Потёртое тело своё,
Бойтся, откажут колени
И Дао оставит её.

Рисуя параболу шага,
На новую зарится гладь,
И пальчикам хочется флага
Державное древко объять.

Чем выше, тем чище и чище
По кости бетона ступать.
Как жаль, что нельзя в кулачищи
Ступней пятерни собирать!

Тогда бы до дома дорога
Дорогой победы была,
А кот мой горланил с порога,
Жуя тараканьи тела.

Я этими руконогами
Такое бы мог вытворять!
Да где уж... С большими мозгами
Моими нельзя совладать.

Скифская звезда

Чёрные травы, полынь да ковыль,
Месяц упал из гнезда.
Утро туманное, новая быль:
В небо восходит звезда.
Это она притащила сюда
Скифскую нашу орду,
Ради неё мы сожгли города
И распахали страду.

То, что нетронуто было войной,
Мы доломали потом.
(Даже огромной владея страной
Можно остаться скотом.)
Сотни голов перебито с тех пор
Опыт горьких идей.
Думали чаще не целясь, в упор:
«Как превратиться в людей?!»

Сёдла оставили в дюнах песка,
Звёздочку — в море на дне.
Чем стали тепшиться наши войска,
Стоя в одном табуне?!
В дни испытаний уже никогда
Мы не оскалим клинки.
Скифам когда-то светила звезда,
Нынче — одни угольки.

Стерефонический ковбой

я пропахал это небо собой
я стерефонический ковбой

пятиструнная собака весны
шестиструнные бобры осени
двухладовые белки зимы
трогай меня до проседи

непереводимое в переводе
латыши серебра на подходе
непереводимое в переводе...

Умрёт

БолеЛ, хотя не заразен. Наверное, умрёт.
— Не потому, что люди смертны,
а потому что не заразен.

Чёрно-белый

Посвящается Питеру Гейбриэлу

Мир снаружи чёрно-белый
Монохромна даже смерть.
Если утром шьётся дело,
Ночью спину жалит плеть.

А дела тут шьются часто,
Потому что видно всех.
— Жди сигнала, — скажет каста,
— Поднимай себя на смех.

Лишь во сне вселенных сотни,
Наяву всего одна.
Автор — каменщик, не плотник;
Потолок, полы, стена,

Верх, покрытый чёрной толью,
И в подвалах — темнота...
Неподвижный лёд под солью,
Только в памяти цвета.

Днями правит солнце трупов,
Меж которых мы с тобой.
В тень базальтовых уступов
Белый катится прибой.

Остальное слишком бренно.
Остальное — суета.
Вечны только эти стены,
И меж ними пустота.

Яблоко восхода

Вслед за яблоком заката
Ты дойди до той черты,
Где распалась тень солдата
На могильные кресты
И горит огонь тюльпана,
Отражается в глазах,
Русской водки полстакана
Настоялось на слезах.

Улыбалась рваной раной
Кёнигсбергская весна.
Над войною над поганой
Посмеялись мы сполна.
Чтоб любовь не провожала
До околицы меня,
Чтобы бомба не визжала,
Все надежды хороня,

Вслед за яблоком восхода
Шли гвардейские полки,
Цитадели небосвода
Брали храбрые стрелки.
Слёзы выплакали дети,
Взгляд стеклянный, в горле ком:
Продолжается на свете
Битва с чёрным пауком.